ОРУЖЕЙНАЯ ПАЛАТА ВЪ МОСКВѢ

ТЕКСТЪ Н. А. НАДЕЖДИНА

СЪ АВТОТИПИЧЕСКИМИ РЕПРОДУКЦІЯМИ

ИЗДАНІЕ
ТОВАРИЩЕСТВА М. О. ВОЛЬФЪ
С.-ПЕТЕРБУРГЪ и МОСКВА

40018

ГОСУД. 1-го ВЫСШ. ПЕДАГОГИЧ. ИНСТИТУТА
БИБЛИОТЕКА ПЕТРОГР.

ГОСУД. 1-го ВЫСШ. ПСХ. ОТНОЧ. ИНСТИТУТА × БИБЛИО

МОСКОВСКАЯ

ОРУЖЕЙНАЯ ПАЛАТА

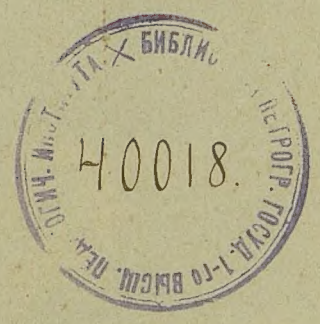
ШАПКА ЕРИХОНКА ЦАРЯ МИХАИЛА ѲЕОДОРОВИЧА

АВТОТИПІЯ Т-ВА М. О. ВОЛЬФЪ. *ОРУЖЕЙНАЯ ПАЛАТА ВЪ МОСКВѢ*

П. 2009

Инв. 82

МОСКОВСКАЯ ОРУЖЕЙНАЯ ПАЛАТА



ТЕКСТЪ

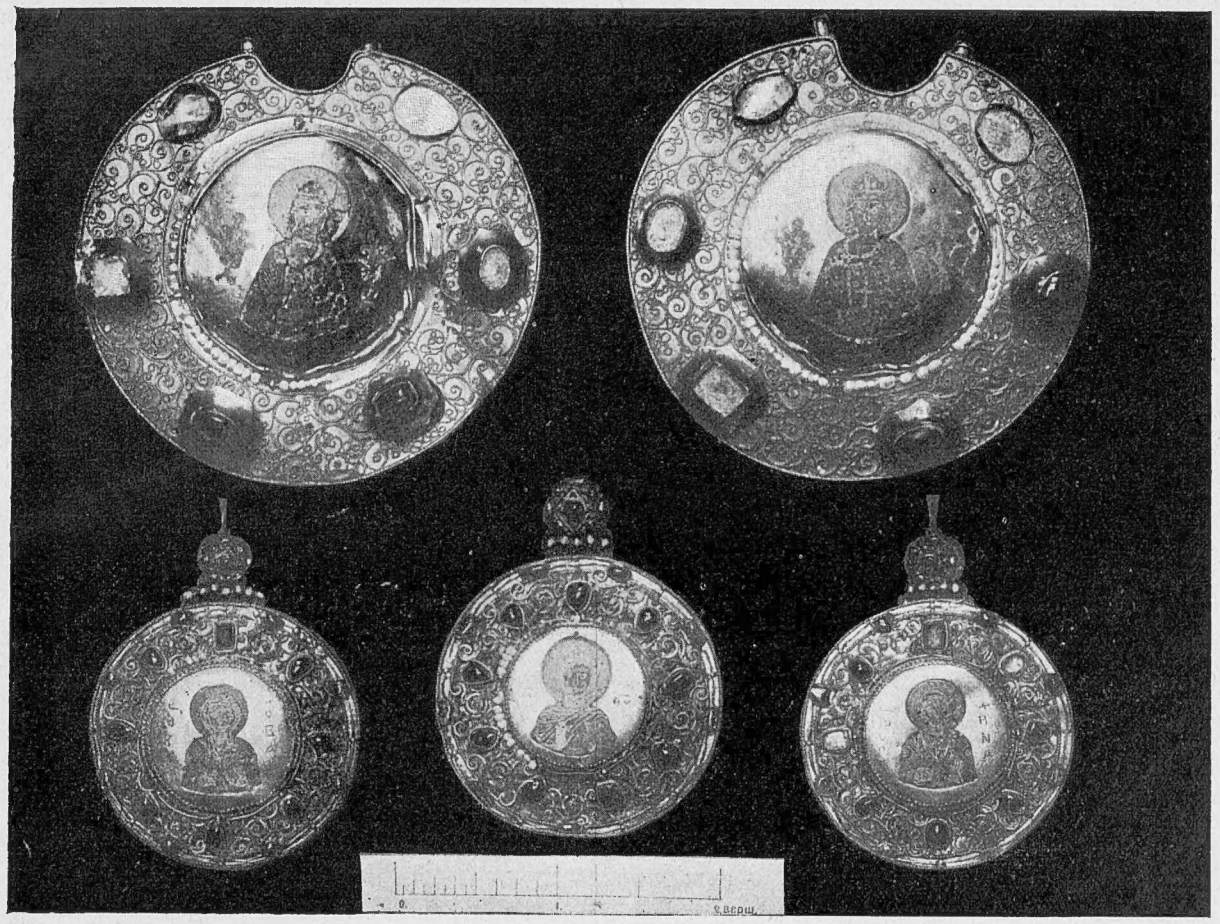
Н. А. НАДЕЖДИНА

СЪ АВТОТИПИЧЕСКИМИ РЕПРОДУКЦІЯМИ

ИЗДАНІЕ
ПОСТАВЩИКОВЪ ДВОРА ЕГО ИМПЕРАТОРСКАГО ВЕЛИЧЕСТВА
ТОВАРИЩЕСТВА М. О. ВОЛЬФЪ
С.-ПЕТЕРБУРГЪ, Гостиный Дворъ, № 18 — МОСКВА, Кузнецкій Мостъ, № 12.

Дозволено цензурою. С.-Петербургъ, 10 октября 1902 года.

Типографія Товарищества М. О. Вольфъ, С.-Петербургъ, Вас. Остр., 16 лин., д. № 5—7.



ВЕЛИКОКНЯЖЕСКІЯ БАРМЫ.

ВВЕДЕНІЕ

И НѢКОТОРЫЯ ИСТОРИЧЕСКІЯ ДАННЫЯ

ОБЪ ОРУЖЕЙНОЙ ПАЛАТѢ.

Московская Оружейная палата по своимъ размѣрамъ и значенію—единственный во всей Европѣ музей драгоцѣнностей, богатѣйшее хранилище всевозможныхъ памятниковъ старины, накоплявшихся цѣлыми вѣками. Тщательно подобранные въ извѣстной системѣ, эти драгоцѣнные памятники оживляютъ въ воображеніи посѣтителя не только полную картину обстановки нашего древняго быта, домашняго и военнаго, но болѣе внимательному наблюдателю даютъ понятіе и о полной художественно-культурной дѣятельности извѣстныхъ эпохъ въ ея постепенной эволюціи. Каждая зала Оружейной палаты—цѣлая сокровищница какой-нибудь отдѣльной отрасли древне-русскаго искусства, цѣлая наглядная исторія какой-нибудь одной стороны древне-русскаго быта. Въ залахъ Бронной, Ружейной и Трофейной хранится древне-русское оружіе цѣлаго ряда эпохъ, древнія шапки и короны царей и великихъ князей и другіе священные предметы коронованія, Серебряная зала наполнена старинной серебряной посудой русской и иностранной, въ нижнемъ этажѣ хранятся ковры, кареты и возки, разныя конскія принадлежности и т. п. Ни одна мельчайшая подробность обстановки стариннаго быта не пропущена въ этой грандіозной коллекціи.

Въ предпринимаемомъ нами изданіи мы поставили себѣ цѣлью дать читателю не описаніе Оружейной палаты, какое онъ можетъ найти во всякомъ путеводителѣ, но, на основаніи изученія богатѣйшаго древнехранилища Оружейной палаты, представить въ рядѣ краткихъ культурно-историческихъ очерковъ картину древне-русскаго искусства и древне-русскаго быта.

Изученіе народнаго быта въ его прошломъ имѣетъ громадное всестороннее значеніе. Самимъ человѣкомъ созданный, отражающій на себѣ до мельчайшихъ подробностей его требованія, мысли, чувства, его практическіе и эстетическіе идеалы—народный бытъ есть, по выраженію историка Забѣлина, „среда, въ которой лежатъ зародыши и зачатки всѣхъ великихъ событій исторіи народа, зародыши и зачатки его развитія и всевозможныхъ явленій его жизни общественной, политической и государственной. Это въ собственномъ смыслѣ историческая природа человѣка“. И изученіе этого быта вводитъ человѣка во внутренній міръ и внѣшній строй народной жизни, раскрывая передъ нимъ самый смыслъ народнаго духа.

Богатѣйшій матеріалъ для каждаго, поставившаго себѣ подобную задачу, даетъ, между прочимъ, вслѣдствіе вышеуказаннаго громаднаго значенія ея, какъ наглядной исторіи древне-русскаго искусства и культуры, Московская Оружейная палата.

Оружейная палата, въ настоящее время представляющая собою музей древностей, возникла главнымъ образомъ изъ такъ-называемыхъ мастерскихъ палатъ, государевой и царицыной, и оружейнаго приказа. Мастерскія палаты составляли цѣлое дворцовое вѣдомство, сохранявшее и изготовлявшее всѣ принадлежности одежды, утвари и т. п. вещей въ домашнемъ обиходѣ царей. Въ мастерскихъ занималось много художниковъ и ремесленниковъ, которыхъ особенно старательно отыскивалъ и сзывалъ въ Москву царь Алексѣй Михайловичъ изъ всѣхъ посѣщенныхъ имъ во время польской войны (1654—1667) городовъ. При мастерскихъ находились мастера алмазныхъ дѣлъ, рѣзныхъ дѣлъ изъ кости, кружевники, портные, посошники, сканщики, чеботники, картузники, бѣлильщики и т. п. Нѣкоторыя производства по своей обширности или особому значенію составляли отдѣльные приказы: приказъ серебряный, ствольный и т. п. Каждое производство помѣщалось въ особыхъ мастерскихъ палатахъ и свѣтлицахъ, находившихся въ различныхъ отдѣленіяхъ Кремлевскаго дворца. Для болѣе искусныхъ живописныхъ работъ, кромѣ иконной палаты, построенъ былъ особый иконный теремъ, гдѣ работали иконописцы, живописцы, знаменщики, левкащики, золотыхъ дѣлъ мастера.

Собственно Оружейная или Оружничья палата была дворцовымъ государевымъ арсеналомъ: тамъ хранилось въ особыхъ кладовыхъ государево оружіе, государевъ доспѣхъ и всякая оружейная броня: шлемы, шишаки, булатныя шашки, латы, кольчуги, наручи, бутурлики, украшенные драгоцѣнными камнями, оружіе боевое и церемоніальное: посольскіе топоры, алебарды и т. п. Въ Оружейной палатѣ хранились также и полковыя знамена, государевы великіе стяги и т. п. предметы.

При Оружейной палатѣ находилась еще особая обширная палата—казенная, по другимъ названіямъ „палата Большой казны“, съ красиво расписанными стѣнами, съ рундуками (особыми поставцами) и съ гребнями (карнизами по верху). Здѣсь сохранялась драгоцѣнная оружейная броня, различная оружейная казна и всевозможныя дорогія и памятныя вещи. Здѣсь находился царскій скипетръ золотой, убранный драгоцѣнностями, превосходной работы; до сихъ поръ онъ сберегается въ этомъ царскомъ древне-хранилищѣ, сохранившемъ свое прежнее имя. Древнее зданіе царской сокровищницы, носившее названіе Казеннаго Двора, находилось въ Кремлѣ между Архангельскимъ и Благовѣщенскимъ соборами и впервые упоминается въ лѣтописяхъ подъ 1494 годомъ. Это была квадратная каменная палата, увѣнчанная шатровидной крышей.

При Алексѣѣ Михайловичѣ въ государственныхъ актахъ впервые появляется имя „Оружейной палаты“: именно въ данную эпоху это художественно-ремесленное дворцовое заведеніе обнимаетъ собою мастерскія, оружейный приказъ и арсеналъ, соединенные въ одно

вѣдомство, состоявшее при Кремлевскомъ дворцѣ. Оружейная палата находилась тогда въ вѣдѣніи боярина-оружничаго Богдана Матвѣевича Хитрово, много поработавшаго надъ благоустройствомъ ввѣренныхъ ему мастерскихъ, въ которыя онъ привлекалъ самыхъ искусныхъ и талантливыхъ мастеровъ того времени: хорошихъ живописцевъ, чеканщиковъ, мастеровъ оружейнаго дѣла и т. п.

Когда 19 іюня 1701 года, во время присутствія въ Москвѣ самого Петра I, страшный пожаръ уничтожилъ почти всѣ старинныя скученныя постройки Кремля, Великій Преобразователь рѣшилъ отстроить на теперешней сенатской площади возлѣ самой городовой стѣны отъ Никольскихъ до Троицкихъ воротъ большой оружейный домъ, „зовомый Цейгоузъ“, повелѣвъ положить на планъ всю мѣстность, примыкавшую острымъ угломъ къ Никольскимъ воротамъ. Подъ строеніе и складъ матеріаловъ отошли разныя бывшія церкви и дворы, судный дворцовый приказъ, прежній дворъ боярина Семена Стрѣшнева, дворъ святѣйшаго патріарха, конюшенный и подворье Симонова монастыря.

Постройка поручена была заѣзжему каменнаго и палатнаго строенія мастеру Христофору Христофоровичу Кундорату съ указаніемъ выстроить цейхгаузъ по нѣмецкому манеру и врученному ему „маштапу“, да кстати и русскихъ каменщиковъ выучить работать по нѣмецкому манеру. Однако, постройка пріостановилась, вслѣдствіе шведской войны, и была вполнѣ окончена только при императрицѣ Аннѣ фельдцейхмейстеромъ графомъ Минихомъ.

Тогда какъ до конца XVII вѣка мастерскія палаты еще составляли частью особое вѣдомство и находились въ вѣдѣніи постельничаго—Петръ Великій соединилъ окончательно всѣ старые приказы дворцоваго управленія въ одно вѣдомство подъ названіемъ „Мастерская и Оружейная палата“, поручивъ надзоръ за ней сенату. Въ эту эпоху кончается процвѣтаніе Оружейной палаты. Въ 1711 году Петръ I вызываетъ въ Петербургъ „людей разныхъ художествъ“ изъ Оружейной палаты для работъ на новомъ Оружейномъ дворѣ.

При Елизаветѣ древнія дворцовыя палаты были разобраны за ветхостью и на ихъ мѣстѣ возникъ новый дворецъ, просуществовавшій до временъ императора Николая I.

Во время этихъ пожаровъ и перестроекъ, хранившіяся въ Оружейной палатѣ сокровища частью переносились то въ Золотую и Серебряную палаты, то въ Кремлевскіе Житный и Сытной дворы и т. п. мѣста, что очень неблагопріятно отзывалось на сохранности древнихъ драгоцѣнностей. Екатерина II поручила-было Потемкину разобрать и привести въ порядокъ сокровища Оружейной и Мастерской палатъ, но онъ не внесъ никакихъ улучшеній во ввѣренномъ ему дѣлѣ.

Въ 1806 году, по волѣ Александра Благословеннаго, Оружейная палата переносится во вновь отстроенное, на мѣстѣ древнихъ палатъ Годунова на сенатской площади, зданіе, фасадъ котораго украшенъ былъ въ то время статуями знаменитыхъ людей древности и барельефами, изображавшими памятныя событія русской жизни. Для управленія ею и храненія находящихся въ ней предметовъ вырабатываются особыя правила, и она принимаетъ уже отчасти характеръ музея. При нашествіи Наполеона, все хранившееся въ Оружейной палатѣ было до 1814 года увезено въ Н.-Новгородъ. Окончательно Оружейная палата обращается въ музей въ 1831 году, когда присутствіе Мастерской Оружейной палаты было упразднено и передано въ вѣдомство московской дворцовой конторы.

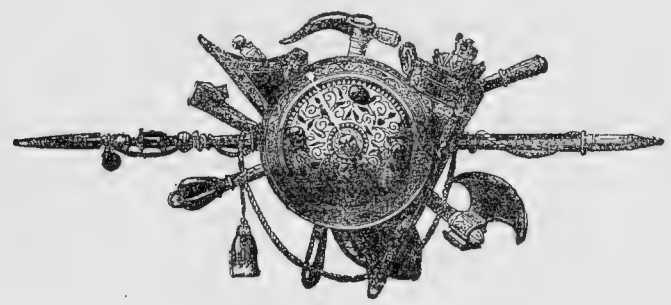
Первое начало Оружейной палатѣ-музею положилъ все-таки самъ Петръ Великій, повелѣвъ собирать для цейхгауза всевозможныя пушки мѣдныя и желѣзныя и всякіе воинскіе знаки въ Кіевѣ, Батуринѣ, Смоленскѣ и другихъ городахъ. Повелѣніе было исполнено: изъ разныхъ городовъ присланы были въ Москву различныя польскія и древне-русскаго литья пушки, мортира Сигизмунда Августа, пушка Базлъ Стефана Баторія съ надписью: „Я Василискъ прикосновеніемъ разрушаю крѣпкія стѣны, 1581 г.“ *) и др. Болѣе мелкія оружія

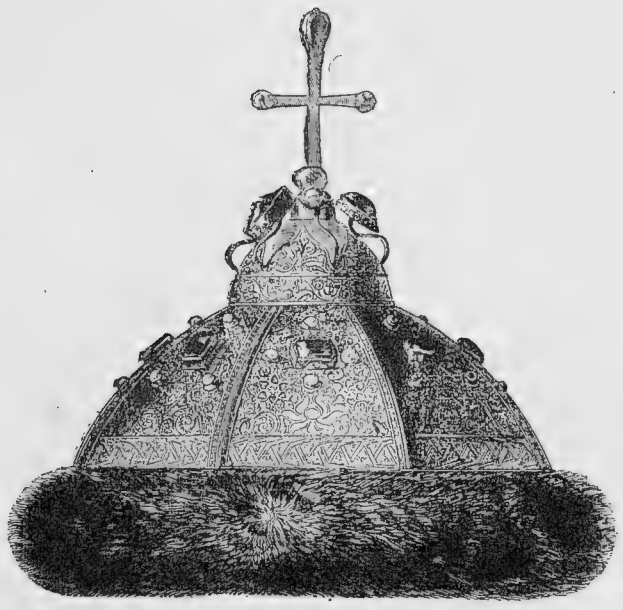
*) Забѣлинъ. Исторія города Москвы.

собираемы были въ цейхгаузъ и при императорѣ Николаѣ I, повелѣвшемъ переслать туда наиболѣе замѣчательныя орудія изъ Казани и Селенгинской крѣпости. При Николаѣ I древности окончательно были приведены въ порядокъ трудами нѣсколькихъ ученыхъ и въ 1835 году вышла подробная опись Оружейной палаты. Тогда же было приступлено къ роскошному художественному изданію „Древностей Россійскаго Государства“, въ которомъ особенное вниманіе посвящено сокровищамъ Оружейной палаты.

При Николаѣ I (1849 г.) для Оружейной палаты выстроено было и новое зданіе, взамѣнъ прежняго, неудобнаго за отсутствіемъ печей. Это зданіе чрезвычайно простой архитектуры, подобной архитектурѣ большого Кремлевскаго дворца, снабженное духовымъ отопленіемъ, и понынѣ служитъ вмѣстилищемъ драгоцѣнныхъ рѣдкостей „Оружейной палаты“, древней „Большой казны“, приводившей нѣкогда въ изумленіе европейскихъ пословъ горами золота и драгоцѣнныхъ камней на царскихъ одеждахъ и утвари. Къ сожалѣнію, много сокровищъ, многое изъ наслѣдственнаго богатства царей, военной добычи, подарковъ иностранныхъ государей и т. п. безслѣдно погибло во время пожаровъ, междоусобій, особенно въ эпоху междуцарствія, когда масса старинной серебряной посуды перелита была въ монеты.

По своимъ размѣрамъ Оружейная палата является единственнымъ въ мірѣ музеемъ драгоцѣнностей, и въ этомъ музеѣ каждая вещь представляетъ историческій памятникъ.





ШАПКА МОНОМАХА.

ШАПКА ЦАРСТВА КАЗАНСКАГО.

ГЛАВА I.

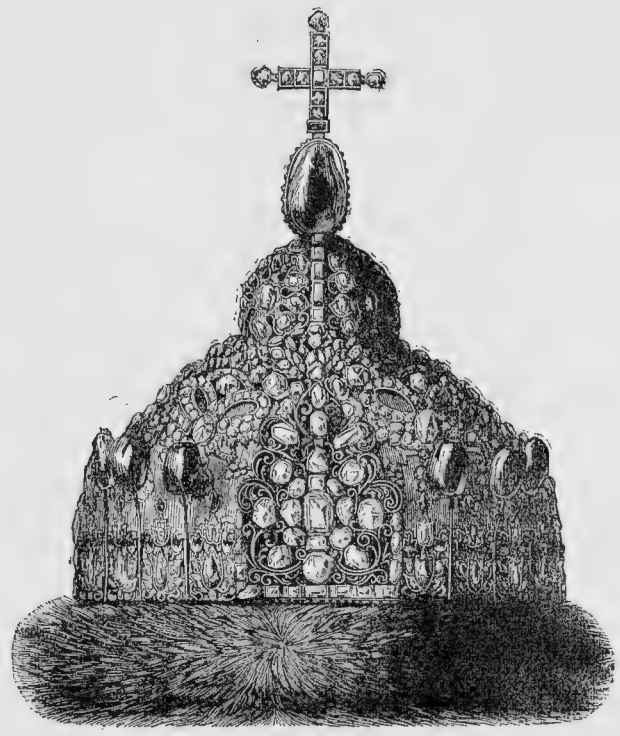
ДРЕВНІЯ ОДѢЯНІЯ ВЕЛИКОКНЯЖЕСКІЯ, ЦАРСКІЯ, КОРОНАЦІОННЫЯ И ДРУГІЯ, И БОЯРСКІЯ ОДЕЖДЫ.

Бояринъ голову сѣдую
Не обнажитъ передъ врагомъ:
Онъ ломитъ шапку мѣховую
Лишь предъ крестомъ, да предъ царемъ.
Онъ носитъ платье парчевое:
Быть-можетъ, дорого оно,
За то оно вѣдь вѣковое
И будетъ въ родъ передано.
Въ немъ и привольно и широко,
Оно не жметъ и не тѣснитъ,
Грудь дышитъ ровно и высоко
И богатырски станъ развитъ.

Графиня Е. П. Ростопчина.

Какъ ни самобытно слагалась жизнь Руси, все же въ ея исторіи явился, наконецъ, моментъ, когда она столкнулась съ чужой цивилизаціей, испытала на себѣ ея вліяніе и незамѣтно ассимилировалась съ нею, постепенно, если можно такъ выразиться, перевоспитавъ ее въ русскомъ духѣ и складѣ. Этотъ великій историческій моментъ—принятіе христіанства и эта цивилизація—византійская. Съ христіанской вѣрой тѣсно связано древне-русское искусство, котораго она является вдохновительницей и главнѣйшимъ источникомъ: христіанская вѣра какъ-бы освятила извѣстныя отрасли искусства, сдѣлавъ ихъ служебными для церкви, давая имъ извѣстное направленіе, опредѣляя ихъ назначеніе и форму. Религіи обязаны своимъ происхожденіемъ древніе памятники русскаго зодчества, живописи и иконной работы. Церковь не признавала ваянія, какъ служебнаго искусства идолопоклонства, потому эта отрасль художества и не раз-

ШАПКА ЦАРЯ МИХАИЛА ѲЕОДОРОВИЧА.



КОРОНА ЦАРЯ ПЕТРА АЛЕКСѢЕВИЧА.

вилась на Руси; она сохранилась лишь въ видоизмѣненной формѣ рельефной рѣзьбы по дереву, кости и камню.

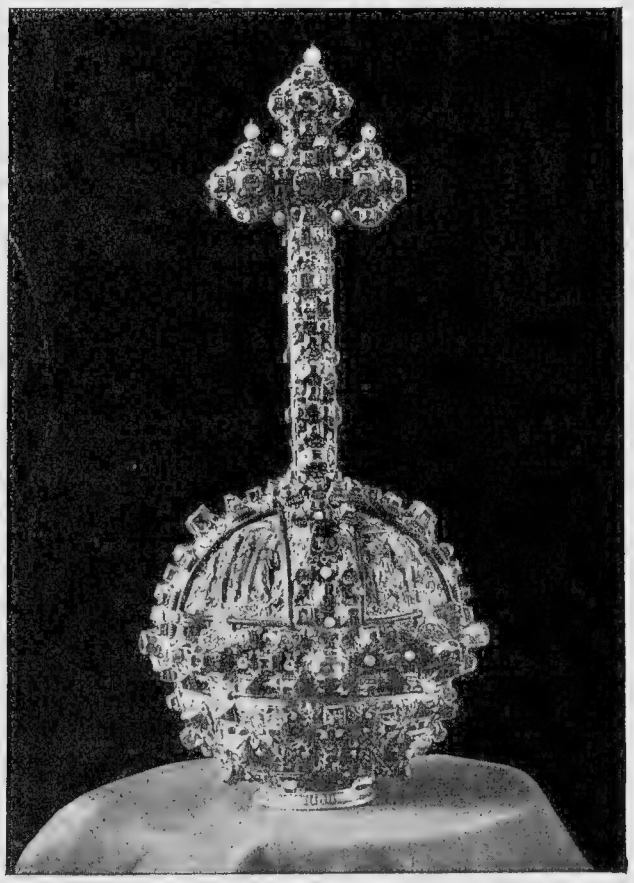
Вмѣстѣ съ христіанствомъ колыбелью русскаго художества долженъ считаться Кіевъ, въ который прежде всего греки занесли вмѣстѣ съ новой вѣрой свою цивилизацію, свои обычаи, пріемы и формы искусства и жизни. Византійскій церковный стиль легъ въ основаніе нашего древняго зодчества подъ именемъ греческаго или корсунскаго стиля, византійская обрядность цѣликомъ перешла въ нашу церковь, вліяніе византійскихъ образцовъ отразилось на нашемъ церковномъ и свѣтскомъ художествѣ, на внѣшней обстановкѣ нашего тогдашняго быта. Византійскій орнаментъ легъ въ основаніе нашихъ чеканныхъ и рѣзныхъ древне-русскихъ работъ; наши древнія иконы, въ которыхъ выразилась вся древне-русская живопись—византійскаго письма; византійскаго покроя всѣ наши древнія патріаршія, великокняжескія, царскія и боярскія одежды, и греческой византійской короной искони вѣнчались на государство всѣ наши великіе князья и цари.

Никакихъ свѣдѣній объ обрядахъ, сопровождавшихъ вступленіе на престолъ русскихъ великихъ князей до принятія христіанства, не дошло до насъ. Послѣ водворенія христіанства, на Руси возникъ занесенный изъ Греціи обрядъ „посада на княженіе“. Лѣтописи упоминаютъ о кресто-цѣлованіи — присягѣ и о томъ, что посадъ совершался въ храмѣ, какъ бы освящался самой церковью; безъ сомнѣнія, вѣнчаніе на царство великихъ князей происходило по обряду Восточной церкви. „Ярополка князя въ Володимерѣ на столѣ посадиша въ Святой Богородицѣ весь порядъ положивше“, говорятъ лѣтописи.

„Чинъ поставленія на великокняженіе“ окончательно, однако, выработанъ былъ, насколько это можно установить по историческимъ даннымъ, во времена Іоанна III, князя московскаго, извѣстнаго собирателя Руси. По этому чину вѣнчанъ былъ на царство, еще при жизни самого грознаго владыки, внукъ его Дмитрій Іоанновичъ, такъ несчастно окончившій свое земное поприще. Тѣмъ не менѣе, право „первовѣнчаннаго“, безъ сомнѣнія, принадлежитъ на Руси Владиміру Равноапостольному и Святому; онъ первый получилъ въ даръ отъ греческаго императора царскій санъ, какъ посвященіе въ ревнители и заступники Восточной

церкви, къ которой онъ присоединился. Въ лѣтописи упоминается, что Владиміръ Великій, принявъ св. крещеніе въ Корсуни, вывезъ оттуда иконы, церковные сосуды, книги и ризы. Но существовало преданіе, что и царскій санъ, а именно вѣнецъ, бармы и златая цѣпь, также привезены Владиміромъ изъ Херсонеса. Лѣтописи-же приписываютъ вывозъ этихъ регалій Владиміру Мономаху, любимѣйшему и идеальнѣйшему князю удѣльной Руси. Какъ-бы тамъ ни было — ясно одно: отъ императора Константина Мономаха перешли въ даръ въ родъ великихъ русскихъ князей принадлежащія обряду вѣнчанія на царство регаліи: животворящій крестъ съ златой цѣпью, св. бармы, царскій златой вѣнецъ и при нихъ сердоликовая крабійца (вѣроятно сосудъ для причастія). Всѣ эти регаліи свято сохранялись въ наслѣдіи русскаго царствующаго дома съ именемъ „Мономаховымъ“ и переходили изъ рода въ родъ — отъ отца къ старшему сыну. При татарскомъ нашествіи эти драгоцѣнности были заблаговременно скрыты во Владимірскомъ „печерномъ градѣ“ нѣсколько лѣтъ и тѣмъ спасены отъ татаръ. Впервые записанный при Іоаннѣ III обрядъ вѣнчанія на царство тѣмъ не менѣе существовалъ съ самой эпохи Владиміра Святого, только какъ обрядъ церковный не записывался лѣтописью, кромѣ того и совершался безъ особой торжественности во времена монгольскаго ига. Впервые онъ былъ обставленъ особымъ невиданнымъ Русью великолѣпіемъ въ эпоху освобожденія, въ эпоху созданія новой пышной обрядовой обстановки жизни „государскаго“ двора, когда вторая жена Іоанна III, гречанка Софья Палеологъ, занесла съ собою на Русь великолѣпный и пышный нарядъ придворнаго быта завоеванной турками Византіи.

Однимъ изъ самыхъ торжественныхъ моментовъ обряда вѣнчанія на царство является возложеніе на вѣнчающагося государя наслѣдственнаго вѣнца Россіи, златой кесарской знаменитой шапки Мономаха, которою всѣ русскіе великіе князья благословляли своихъ старшихъ сыновей. Потому ли, что этотъ вѣнецъ всегда сохранялся въ родѣ Владиміра Мономаха, родственнаго по женской линіи Мономахамъ греческимъ, или потому, что онъ дѣйствительно былъ присланъ Владиміру Мономаху императоромъ Алексѣемъ Комненомъ — но названіе

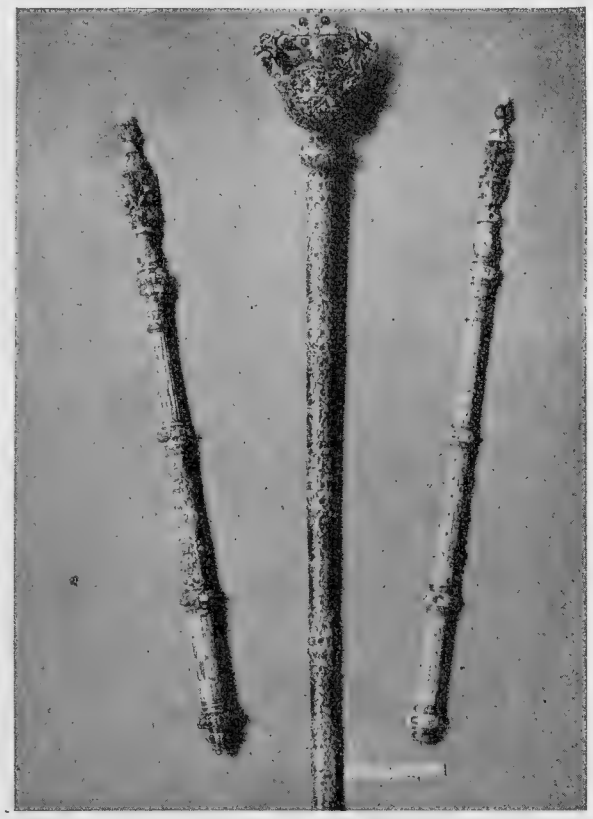


ДЕРЖАВА МИХАИЛА ѲЕОДОРОВИЧА.

ДЕРЖАВА ЦАРЯ АЛЕКСѢЯ МИХАЙЛОВИЧА.

Мономаховой шапки сохранялось за вѣнцомъ во всѣхъ старинныхъ описяхъ царской казны: „шапка Мономахова золота сканная съ каменьемъ и зерны, пушена соболемъ, подложена атласомъ червчатымъ“. Тулья вѣнца состоитъ изъ 8-ми продолговатыхъ треугольныхъ сканныхъ золотыхъ дощечекъ, соединенныхъ острыми концами подъ золотымъ яблокомъ, надъ которымъ золотой гладкій крестъ съ крупными жемчужинами. Весь вѣнецъ убранъ крупными драгоцѣнными камнями: изумрудами, яхонтами и жемчугами.

До царя Іоанна IV въ древней „Большой казнѣ“ не было другой торжественной царской шапки, лишь при Грозномъ, когда, по взятіи Казани, казанскій ханъ Эдигеръ, пожелавшій креститься, получилъ титулъ царя казанскаго, для него была сдѣлана „шапка царства казанскаго“, а въ 1611 году въ казнѣ хранилось уже пять коронъ (между прочимъ, шапка Годунова и неоконченная Дмитрія Самозванца I).



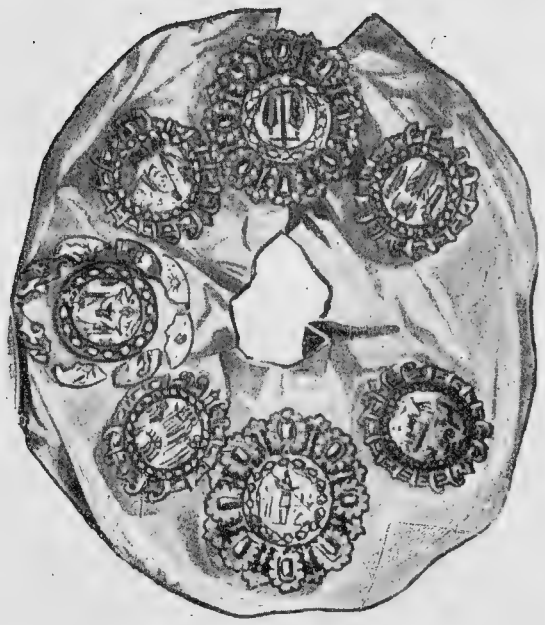
СКИПЕТРЫ ЦАРЕЙ

ЦАРЯ МИХАИЛА ѲЕОДОРОВИЧА. МИХАИЛА ѲЕОДОРОВИЧА, АЛЕКСѢЯ МИХАЙЛОВИЧА, ПЕТРА I АЛЕКСѢЕВИЧА.

Въ 1627 году сдѣлана была при думномъ дьякѣ Телепневѣ новая шапка для царя Михаила Ѳеодоровича, взамѣнъ тяжелаго древняго вѣнца и по образцу его. Въ эпоху двоецарствія царей Іоанна и Петра Алексѣевичей обоимъ сдѣланы были новыя шапки, надѣвавшіяся во время различныхъ торжественныхъ выходовъ. Для коронованія Петра сдѣлана была шапка „втораго наряда“, по образцу Мономаховой, и драгоцѣнная алмазная для выходовъ.

Въ эпоху царствованія императрицъ шапки смѣняются коронами: въ Оружейную палату поступаетъ въ 1741 году „Императорская всероссійская корона“ Анны Іоанновны „съ алмазы, дикштейны, съ розеты и брилліанты, съ яхонты и съ лалы, вѣсомъ 5 ф. 5 золотниковъ“. На коронѣ однихъ алмазовъ 2,536! Главную ея драгоцѣнность составляетъ находящійся подъ алмазнымъ крестомъ огромный лалъ (рубинъ), купленный по указу Алексѣя Михайловича у китайскаго богдыхана. Менѣе драгоцѣнна корона императрицы Екатерины I.

Въ обрядѣ священнаго вѣнчанія на царство большую роль играла вторая изъ регалій—держава, знаменовавшая собою „освященное крестное преобладаніе надъ землею“ („Древности



БАРМЫ ЦАРЯ АЛЕКСѢЯ МИХАЙЛОВИЧА.

БАРМЫ ВЫШИТЫЯ.

Р. Государства"). Она извѣстна въ описяхъ Большой казны подъ именемъ „Царскаго златого державнаго яблока". Символъ всемірнаго преобладанія христіанства еще во времена Константина Великаго выразился въ крестѣ, осѣняющемъ шаръ—землю. Подобная греческая держава и перешла въ Русь изъ Греціи, принявъ названіе „Мономаховой державы Россійскаго царства". Древняя держава по формѣ и византійскимъ финифтянымъ украшеніямъ является драгоцѣннымъ памятникомъ искусства X вѣка. По образцу древней державы сдѣланы были впослѣдствіи и другія: держава малая, держава царя Михаила, Алексѣя и т. п.

Въ духовныхъ грамотахъ великихъ князей вмѣстѣ со „златой шапкой", символомъ величія и силы верховнаго кесарскаго сана, передаются изъ рода въ родъ и святыя бармы или діадимы. Въ преданіи о присылкѣ на Русь царскаго чина греческимъ императоромъ Константиномъ сказано: „Ожерелье сирѣчь святыя бармы, еже на плещу свою возлагаше". Подлинныхъ бармъ давно недоставало въ великокняжеской казнѣ. Древнѣйшія бармы найдены въ 1822 году въ землѣ, въ окопѣ близъ села Старой Рязани. Это—великокняжескія бармы, въ которыхъ вѣроятно былъ погребенъ одинъ изъ русскихъ князей. Онѣ состоятъ изъ 11 круглыхъ запонъ, которыя всѣ отлиты изъ чистѣйшаго мягкаго золота, украшены узорами накладной скани на гладкія пластины, драгоцѣнными камнями въ ихъ природномъ видѣ и мелкими жемчугами, нанизанными на золотой проволокѣ. Неизвѣстно—подлинныя-ли это Мономаховы бармы, но по работѣ и скани онѣ относятся къ произведеніямъ греко-скиѳскаго искусства и къ первымъ временамъ христіанства на Руси. На запонахъ находятся священныя изображенія, частью выложенныя изъ мозаики („мусіи") и финифти самаго высокаго достоинства: лики и тѣло святыхъ выложены изъ блѣдноватаго сквозящаго рубина, всѣ составныя части финифти покрыты тонкимъ блестящимъ хрустальнымъ слоемъ.

Желая пополнить облаченія древняго царскаго чина, Алексѣй Михайловичъ заказалъ цареградцу Ивану Юрьеву бармы по образцу „діадимы благочестиваго греческаго царя Константина". Онѣ состоятъ изъ семи золотыхъ, украшенныхъ финифтью, алмазами, яхонтами и изумрудами запонъ, нашитыхъ на глазетъ. На каждой запонѣ находятся по священному и образенію: вѣнчаемая Пр. Богородица, обрѣтеніе Животворящаго Креста Константиномъ

ЦАРСКІЙ НАПЕРСНЫЙ КРЕСТЪ.

и Еленой, чудо, совершенное Св. Меркуріемъ надъ Юліаномъ, сотвореніе міра, псалмопѣніе царя Давида и т. п. За эту діадиму заплатили греческому мастеру 18,325 р.

Въ Оружейной палатѣ хранятся также и древнія шитыя бармы: таковыя бармы шитыя по фіолетовому атласу, съ каймой, низанной жемчугомъ, обшитой „золотымъ пряденьемъ". Онѣ упоминаются въ описяхъ Большой казны 1642 года.

Тогда какъ вѣнецъ является знаменіемъ верховной славы народа, а держава—символомъ власти надъ землею,—жезлъ, или скипетръ имѣетъ значеніе верховнаго начальствованія надъ силами царства.

„О, боговѣнчанный царю, князь Великій Самодержецъ,—говорится въ „Чиновникѣ постановленія на великое княженіе",—пріими отъ Бога вданное ти скиптро правити хоругви великаго царства Россійскаго, блюди и храни его, елико твоя сила" („Др. Р. Государства"). Жезлъ считался необходимой принадлежностью и царскаго параднаго одѣянія, притомъ онъ называется то жезломъ, то посохомъ, то скиптромъ, смотря по различію нарядовъ. При нарядѣ большой казны, во время посольскихъ пріемовъ, и при вѣнчаніи на царство употреблялся скипетръ, при выходахъ въ соборную церковь и на Іордань при нарядѣ большой казны употреблялся жезлъ, при обыкновенныхъ выходахъ въ храмы, къ столу или при пріемѣ властей или незначительныхъ пословъ въ Столовой или Золотой палатѣ употреблялись различные посохи: индѣйскій съ костьми, индѣйскій съ каменьи, комнатный и др.

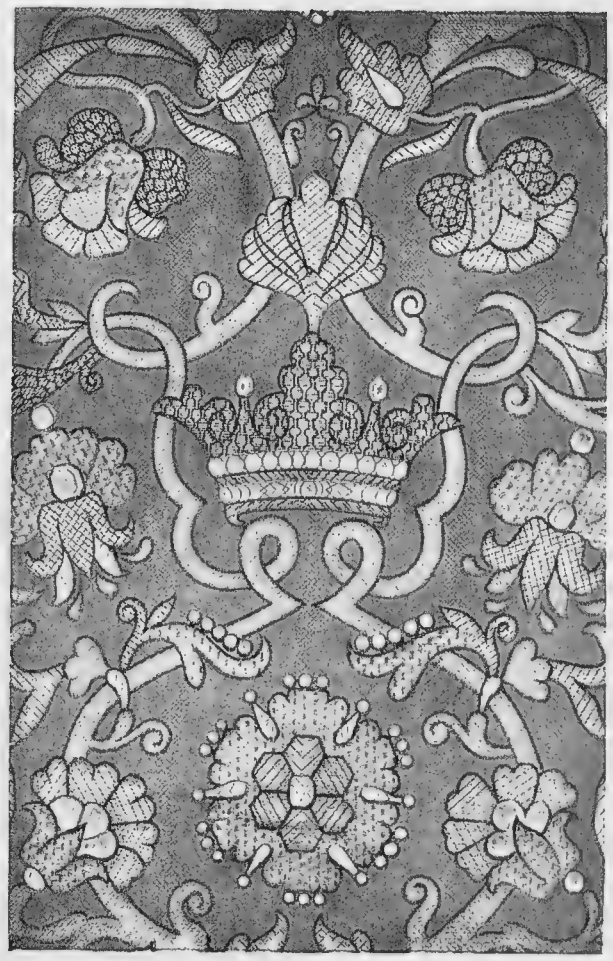
Жезлы носили царицы и патріархи. Въ Оружейной палатѣ хранится жезлъ царицы Евдокіи Лукьяновны: этотъ жезлъ „чѣмецкаго дѣла, изъ чернаго дерева, съ серебряной работой на рукояти"; въ томъ-же жезлѣ находились и солнечные часы и зрительная труба.

Древнѣйшій изъ хранящихся въ Оружейной палатѣ скипетровъ—скипетръ большого наряда—упоминается въ древней описи, составленной по указу царя и великаго князя Михаила Ѳеодоровича: онъ золотой, чеканный съ каменьями и финифтяной работой. Скипетръ Алексѣя Михайловича сдѣланъ въ Царьградѣ вмѣстѣ съ діадимой и державой, которыя работались по образцу мономаховскихъ регалій: „скипетръ золотой съ каменьемъ и съ финифти разными, прорѣзной, подборъ серебряный гладкій. Среди главы корона; на главѣ крестъ". Весь скипетръ разубранъ драгоцѣнными камнями, „на черену въ 12 мѣстахъ дробницы золотыя", на нихъ наведены чернью образа нѣсколькихъ двунадесятыхъ праздниковъ.

Необходимой принадлежностью наслѣдственнаго царскаго облаченія является и царскій наперсный крестъ, дарованный греческимъ императоромъ Константиномъ князю Владиміру. Въ Оружейной палатѣ хранится древній наперсный крестъ во имя Св. апостола Петра, который принадлежалъ къ наряду царя и великаго князя Петра Алексѣевича, золотой съ 8-ю большими алмазами, цѣной „въ четыреста рублевъ", маленькими алмазами и изумрудами, и другіе наперсные кресты, богато убранные драгоцѣнными камнями и жемчугами. Всѣ они сдѣланы по образцу крестовъ византійскаго стиля.

Для возложенія Животворящаго Креста Благовѣрному князю Владиміру прислана была изъ Греціи и цѣпь „отъ злата аравійскаго скована". Съ тѣхъ поръ золотая цѣпь стала не-

ПОРТРЕТЪ РУССКАГО ПОСЛА XVII ВѢКА П. И. ПОТЕМКИНА.



РИСУНОКЪ МАТЕРІИ СТАНОВОГО КАФТАНА.

обходимой принадлежностью вѣнчаннаго государскаго наряда. Древняя цѣпь, въ великокняжескія времена называвшаяся „крещатою“, состоитъ изъ 16 сквозныхъ, скапныхъ звеньевъ (трехгранныхъ), вѣсу въ ней 2 фунта 10 золотниковъ, цѣна 700 рублей. Впослѣдствіи цѣпи стали дѣлать изъ кольчатыхъ звеньевъ, какъ, напримѣръ, цѣпь Михаила Ѳеодоровича, на лицевой сторонѣ звеньевъ которой вырѣзано молитвословіе къ Пр. Троицѣ и именованіе Великаго Государя Михаила съ титуломъ. Интересна по исполненію яхонтовая перевязь царя Ѳеодора Алексѣевича, состоящая изъ 32-хъ запонъ, украшенныхъ красными яхонтами и финифтью, нашитыми на малиновомъ атласѣ.

Древнія великокняжескія одежды, кромѣ броней, шишаковъ и т. п., не дошли до насъ. Мы можемъ судить о нихъ по изображеніямъ на монетахъ и другихъ древнихъ памятникахъ, но за то мы имѣемъ драгоцѣнные памятники древнихъ царскихъ одеждъ. Въ домашней жизни цари представляли образецъ умѣренности и простоты, но царскіе выходы на церемоніяхъ или въ дни большихъ праздниковъ окружены были несказаннымъ великолѣпіемъ и блескомъ. Царь шествовалъ на церемонію или на торжественную церковную службу по большей части въ „большомъ царскомъ нарядѣ“, окруженный разодѣтой въ самые богатые наряды свитой и духовенствомъ. Сверхъ зипуна и богатѣйшаго станового кафтана на государѣ было царское „платно“, собственно „порфира“. Платна шились преимущественно изъ аксамитенаго бархата или аксамитенаго атласа съ горностайнымъ исподомъ и собольей опушкой. Иногда оно украшалось жемчужными кружевами съ драгоцѣнными камнями. При вѣнчаніи на царство платно, относившееся къ облаченію въ чинъ царскій, возлагалось въ храмѣ также на становой кафтанъ. Различіе между кафтаномъ и платномъ состояло въ томъ, что кафтанъ былъ сшитъ болѣе въ талію, а платно кроилось совсѣмъ прямое. Платномъ покрывали также царскій гробъ при выносѣ тѣла.

Всѣ древнія великокняжескія, царскія и боярскія одежды до Петра I были византійскаго покроя. Богатые становые кафтаны шились изъ дорогой затканой золотомъ тяжелой парчи; на парчѣ изображались обыкновенно золотые цвѣты, греческія арабески, коронки и т. п. Воротъ, короткіе и широкіе рукава, полы и подолъ часто обшивались серебрянымъ или жемчужнымъ кружевомъ. Кафтаны дѣлались также изъ бархата, сукна, атласа; въ Оружейной палатѣ есть два интересныхъ древнихъ кафтана: объяринный блѣдно-песочнаго цвѣта, обложенный золотымъ пополамъ съ серебромъ кружевомъ и кафтанъ изъ байпрека брусничнаго цвѣта. Интересенъ кафтанъ-кабатъ царя Алексѣя Михайловича съ короткими рукавами, похожій на далматикъ, застегивавшійся подобно архіерейскому одѣянію, богато вышитый золотомъ по красному атласу.

ЦАРСКІЙ СТАНОВОЙ КАФТАНЪ.

Украшенія царскихъ одеждъ, кромѣ накладныхъ ожерельевъ, запястій и пр., состояли изъ золотыхъ и серебряныхъ, осыпанныхъ драгоцѣнными камнями кружевъ, нашивокъ, запонъ, запонокъ, узловъ, пуговицъ, ворворокъ, крючковъ, завязокъ и петель и застежекъ. Одна изъ такихъ застежекъ, золотая изъ двухъ литыхъ фигуръ левика и грифа, стоила 100 рублей. Левикъ украшенъ 9-ю яхонтами и 7-ю изумрудами, грифъ 14-ю яхонтами и 11-ю изумрудами. Драгоцѣнными камнями убирались и запоны; на жемчужныхъ запястьяхъ царя Ѳеодора Іоанновича 499 зеренъ одного крупнаго жемчуга и 185 алмазовъ, не считая другихъ камней; эти запястья стоятъ 18,709 рублей. Драгоцѣнными камнями и золотомъ украшались даже рукавицы — „перстячатыя рукавицы“, какъ ихъ называли въ старину. Онѣ дѣлались изъ атласа или бархата, были и лосинныя рукавицы; выкладывались онѣ золотымъ кружевомъ или покрывались сплошными украшеніями изъ выпуклаго шитья разноцвѣтнымъ пряденымъ золотомъ съ жемчужной обнизью. Менѣе парадныя вышивались шелками.

Полное понятіе о царской одеждѣ XVII вѣка мы можемъ составить себѣ по портрету царя Ѳеодора Алексѣевича. На царѣ кафтанъ съ поясомъ, усѣянный драгоцѣнными камнями, голова

украшена двойной короной съ крестомъ наверху; на пальцахъ обѣихъ рукъ пять перстней, какіе надѣвались государями въ большихъ выходахъ. Къ наряду царя принадлежатъ красные остроносые сапоги изъ сафьяна. Иногда сапоги обшивались мѣхомъ и украшались камнями.

Одежды боярскія были сходны съ царскими одеждами, но не отличались такой роскошью и блескомъ. По описанію извѣстнаго Олеарія, у русскихъ „одежда мужчинъ такая-же, какъ у грековъ, рубашки у нихъ широкія, короткія, едва достаютъ до колѣнъ, спинка подшита въ видѣ треугольника, спускается съ плечъ и шита краснымъ шелкомъ. У богатыхъ людей вышиваютъ низъ рубашки и рукава разными шелками, иногда золотомъ и жемчугомъ; воротникъ застегивается двумя большими жемчужинами или золотыми и серебряными пуговицами. Нижнее платье носятъ очень широкое сверху, гдѣ протянутъ шнуръ, по произволу распускающій и стягивающій его. Поверхъ рубашки и штановъ они носятъ узкіе кафтаны до колѣнъ съ длиннѣйшими рукавами (на становыхъ кафтанахъ рукава короткіе), надѣваемыми на руки въ сборкахъ. Воротникъ у кафтана широкій, подшитъ бархатомъ или у вельможъ золотою матеріей. Сверхъ кафтана носятъ другое одѣяніе, длиною до икръ—оно называется

СТАРИННЫЯ ПЕРСТЧАТЫЯ РУКАВИЦЫ.

ДРЕВНЯЯ ЦАРСКАЯ ОБУВЬ.

ферязью. Ферязь дѣлается, смотря по состоянію, изъ тафты или атласа. Сверхъ всего носятъ платья, длиною достигающія до пятъ, которыя надѣваютъ, выходя въ публику. Это платье бываетъ изъ темнаго сукна, иногда изъ парчи и атласа, шитое золотомъ. Всѣ эти одѣянія выдаются изъ царской казны по случаю принятія пословъ для большаго благолѣпія. У этой верхней одежды бываетъ длинный, ниспадающій съ плечъ воротникъ, вокругъ и по сторонамъ она обшита золотомъ или жемчугомъ и украшена висящими кистями. Рукава такъ-же длинны, какъ и одежда, узки, подбираются такъ, что руки едва видны. Случается, что холопы и воры прячутъ въ рукавахъ такого рода камни или дубинки, незамѣтные для жителя, и нападаютъ съ ними ночью на проходящихъ.

„Князья и бояре при торжественныхъ собраніяхъ носятъ шапки, опушенныя чернымъ соболемъ или лисицей, въ другихъ случаяхъ обшитыя бархатомъ и частью опушенныя только чернымъ соболемъ или лисьимъ мѣхомъ и украшенныя золотыми или жемчужными нашивками; простой народъ лѣтомъ носитъ шапки изъ бѣлаго валенаго сукна, зимою опушенныя простымъ мѣхомъ.

ПОЛЬСКІЙ КАФТАНЪ ПЕТРА ВЕЛИКАГО

„Русскіе вообще, какъ поляки, носятъ короткіе изъ юфти или персидскаго сафьяна сапоги съ остроконечными носами. Башмаки женскіе, особенно дѣвичьи, дѣлаются съ весьма высокими каблуками, которые обиваются маленькими гвоздиками.

„Платья женскія сходны съ мужскими, хотя верхнія нѣсколько шире и изъ такого-жъ сукна или киндяка персидской ткани; богатыя украшаютъ напереди позументомъ или золотыми шнурками и пришиваютъ серебряныя или оловянныя пуговицы, которыми и застегиваются. Рукава сверху разрѣзные, въ эти разрѣзы онѣ просовываютъ руки. Кафтановъ онѣ не носятъ. Рукава рубашекъ узки, длиною въ 6, 8, 10 локтей и болѣе, если кисейные, и собираются на руки. Онѣ также носятъ просторныя и широкія шапки, окаймленныя атласомъ, камкою или парчей, иныя вышиты золотомъ и украшены жемчугомъ, съ бобровою опушью, такъ что волосы, ниспадая прямо, закрываютъ половину лба. Взрослыя дѣвицы носятъ лисьи шапки. Шапкой замужнія женщины прикрываютъ волосы, подбирая ихъ на головѣ; дѣвицы носятъ косы“.

Олеарій замѣчаетъ также, что русскія женщины безбожно румянятся и бѣлятся, что вошло въ обычай, такъ что того, кто этого не дѣлалъ, упрекали въ нарушеніи дѣдовскаго обычая.

Типичный образецъ богатой боярской одежды изображенъ на портретѣ русскаго посла XVII в. П. И. Потемкина. Необходимо замѣтить, что, кромѣ перечисленныхъ названій платья, русскіе именитые люди любили носить драгоцѣнныя шубы изъ дорогихъ мѣховъ, которыя не снимали даже и въ комнатѣ, если были въ гостяхъ.

Женщины любили украшать себя серьгами съ дорогими камнями и подвѣсками, носили жемчужныя повязки съ поднизями (бахрамой изъ жемчуга), жемчужныя ожерелья. Нѣкоторыя изъ этихъ мелочей отличаются замѣчательной тонкостью и изяществомъ работы.

Въ эпоху Петра Великаго характеръ русской одежды рѣзко мѣняется. Великій Преобразователь постарался прежде всего уничтожить рѣзкое внѣшнее различіе своего народа съ „нѣмцами“, отъ которыхъ желалъ перенять и ввести на Русь возможно больше полезнаго и важнаго. Вмѣстѣ съ окладистыми бородами важныхъ русскихъ бояръ попадаютъ подъ ножницы дорогіе рукава и полы ихъ нарядной парчевой тяжелой одежды. Куцые „нѣмецкіе“ и польскіе кафтаны мѣняютъ величественныя одежды византійскаго образца, низко срѣзанныя бальныя платья французскаго покроя—наглухо закрытыя женскія ферязи, тяжкіе кокошники, бархатныя шубы важныхъ боярынь. Удивительный контрастъ съ одеждами до-Петровской

Руси, усыпанными драгоцѣнными камнями, представляютъ одежды самого Петра: его шкиперское платье, его простой польскій кафтанъ изъ краснаго сукна, отороченный узенькимъ золотымъ галуномъ. Кафтаны и мундиры придворныхъ и военной знати дѣлаются уже не изъ атласа, дорогой парчи или бархата, а изъ простого темнаго цвѣта сукна, отороченнаго золотымъ и серебрянымъ мишурнымъ позументомъ.

Платье Петра II становится болѣе богатымъ. Въ Оружейной палатѣ хранятся его домашніе костюмы изъ атласа, „персидскій бешметъ“ и т. п. Но въ сравненіи съ боярскими одеждами и это платье отличается крайней простотой, такъ-же какъ и „кафтаны съ камзолами“ Петра II, покрытые серебрянымъ шитьемъ, большей частью мишурнымъ. Ни о какихъ драгоцѣнныхъ камняхъ нѣтъ уже и помину на этой одеждѣ новаго образца.

КАФТАНЪ МИХАИЛА ѲЕОДОРОВИЧА.

КАФТАНЪ ПЕТРА II ЗЕЛЕНЫЙ.

Образцомъ новыхъ женскихъ нарядовъ можетъ служить коронаціонное платье императрицы Екатерины I, съ низко срѣзаннымъ лифомъ и короткими рукавами, пурпуроваго цвѣта, шитое серебромъ. Въ подобныхъ этому платьяхъ, конечно, менѣе роскошныхъ и нарядныхъ, женщина стала появляться въ обществѣ, на шумныхъ и людныхъ ассамблеяхъ. Согласно новой модѣ, она открыла свои руки и плечи, убрала свои волосы въ причудливыя высокія прически, научилась носить граціозныя французскія робы, одѣваться со вкусомъ и къ лицу, рядиться въ замысловатые маскарадные костюмы.

Перемѣна одежды и обычая повела за собой и перемѣну нравовъ. Въ пышно разодѣтой красавицѣ Петровскихъ временъ, еще менѣе въ изящной, ловкой и умной кокеткѣ придворной сферы временъ Екатерины Великой трудно узнать типичную русскую боярыню, воспитанную въ стѣнахъ тѣснаго терема, ненаходчивую, застѣнчивую, робкую, рабски преданную древнимъ обычаямъ, замкнувшуюся въ узкомъ кругѣ условностей, покорную рабыню отца и мужа, ту самую, о которой съ пренебреженіемъ отзывались иностранцы, говоря, что русскіе

КОРОНАЦІОННОЕ ПЛАТЬЕ ИМПЕРАТРИЦЫ ЕКАТЕРИНЫ I.

государи не позволяютъ своимъ царицамъ принимать пословъ исключительно въ виду того, что женщины Московіи не учены и бѣдны разумомъ: могутъ въ присутствіи посла растеряться и сказать какую-нибудь нелѣпость! Въ эпоху Екатерины II, совсѣмъ еще близкую къ Петровской, эта самая женщина сдѣлалась царицей общества, давала ему тонъ и жизнь.

„И средь огней Потемкинскаго бала,
Какъ солнце, всѣхъ красою побѣждала“.

ГЛАВА II.

ЦЕРКОВНЫЯ ДРЕВНОСТИ.

Византійское вліяніе особенно рѣзко сказалось на тѣхъ отрасляхъ древняго русскаго искусства, которыя посвятили себя служенію церкви: сюда прежде всего относятся, конечно, иконопись и торевтика, т.-е. чеканная работа на священной утвари. Сохранившіяся въ древнихъ церквахъ и время-отъ-времени выкапываемыя изъ земли, разныя древнія утвари и узорочья даютъ довольно ясное понятіе объ иконописи и торевтикѣ до-монгольскаго періода. Золотомъ, серебромъ, рѣзнымъ, чеканнымъ и сканнымъ, мозаикой, финифтью и чернью украшались древнія иконы; вѣнцы, ризы, оплечья, гривны и дробницы на иконахъ обыкновенно выдѣлывались изъ серебра и золота.

Съ особенной любовью разубираемъ былъ въ драгоцѣнные металлы и дорогую мозаику образъ Божіей Матери. Ея иконы преимущественно сверхъ ризы

украшались еще „убрусцемъ“—родъ „лентія“, возлагавшагося на вѣнецъ, и „жемчужными рясками“. Древніе храмы Кіева и Новгорода обряжены были дорогими, прекрасной работы утварями, роскошными одеждами священно-служителей. Греческіе и русскіе художники вмѣстѣ работали надъ обряженіемъ св. храмовъ. Внутренность ихъ блистала серебромъ и золотомъ въ художественной отдѣлкѣ, мозаикой и мраморомъ, которые покрывали стѣны и помостъ. Здѣсь соединялись „хитрости Іерусалимскія и мудрости Цареградскія“, попадали на Русь и сосуды латинской работы. На сѣверѣ (во Владимірѣ, Новгородѣ и позднѣе въ Москвѣ) на смѣну греческимъ художникамъ являются нѣмцы, проникавшіе на Русь благодаря сношеніямъ Новгорода съ Ганзейскимъ союзомъ. Русскіе мастера учились у нихъ. Искусство не умирало на Руси даже въ эпоху татарскаго погрома. Такъ въ XIII в. итальянецъ Плано Карпини встрѣтилъ при ханскомъ дворѣ искуснаго золотыхъ дѣлъ мастера Козьму, который сдѣлалъ для хана царскій престолъ.

Юная Москва—освободительница Руси отъ татаръ, тратившая много стараній и средствъ для своего украшенія, отстраивалась и обряжалась вначалѣ также подъ сильнымъ вліяніемъ Византійскаго стиля. Во времена Донского у ней были свои зодчіе, живописныхъ, литейныхъ, золотыхъ и серебряныхъ дѣлъ мастера, имена которыхъ перешли потомству. Такъ Дмитрій Донской завѣщалъ своимъ наслѣдникамъ разныя золотыя утвари „Макарова и Шишкина дѣла“. До насъ дошли чеканные оклады Евангелій, сработанные при Симеонѣ Гордомъ, замѣчательно тонкой и чистой чеканки.

ИКОНА ИЗЪ ДРЕВНЯГО ЗДАНІЯ ОРУЖЕЙНОЙ ПАЛАТЫ.

При Іоаннѣ III Византійскій стиль, греческаго характера, торевтика и мозаика смѣняются фряжскими—итальянцы-флорентинцы и венеціанцы усердно работали для русскихъ дворцовъ и храмовъ и русскіе мастера усердно и искусно подражали имъ. Государи дома Романовыхъ выписывали искусныхъ мастеровъ уже изъ Голландіи, Германіи и Швеціи. Византійскіе и западные художники занесли на Русь интересные орнаменты изъ области символики: пальмы, знаменующія побѣду надъ смертью, крылатыхъ центавровъ, единороговъ, драконовъ (Георгій Побѣдоносецъ) и т. п.

Въ иконописаніи также выработался извѣстный стиль и не одинъ даже: въ различныхъ историческихъ документахъ часто упоминаются различные „пошибы“ церковной живописи: греческій, корсунскій, московскій и т. п. Восточная церковь усвоила себѣ особыя характерныя черты для изображенія Спасителя, Божіей Матери, апостоловъ, святыхъ и т. п. „Каждому лицу дана своя опись и свой характеръ, напр., Господу Саваоѳу—святолѣпное и строгое величіе ветхаго деньми, І. Х.—въ крестныхъ страданіяхъ смиреніе и божественное истощеніе, Богоматери—умиленіе, святымъ—глубина смиренія и т. п.“ („Др. Р. Гос.“).

Всѣ иконы древняго греческаго письма дышатъ величавымъ спокойствіемъ, какой-то особенной духовностью облика. На иконахъ этого стиля вся опись человѣческаго тѣла выказывалась только въ общихъ чертахъ, фигурамъ придавалось подобіе мощей, нетлѣнность, торжественность и строгость нездѣшняго міра; раскраска ихъ по большей части суха и темна.

Греческіе иконописцы оставили своимъ русскимъ ученикамъ цѣлыя руководства для писанія св. иконъ, такъ-называемые „Подлинники“, „Образники“ или „Персональники“. Изъ нихъ до сихъ поръ наши иконописцы заимствуютъ не только размѣры, типы лицъ и ко-

ИКОНА СВ. НИКОЛАЯ.

ИКОНА БЛАГОВѢЩЕНІЯ.

стюмъ, но даже цвѣтъ одежды, подписи и т. п. для иконописи, стѣнописи и миніатюры. Въ русской церкви существовало также и заимствованное изъ Греціи вышиваніе иконъ шелками и выкладываніе ихъ мозаикой.

Вапы, или краски, употреблялись тоже освященныя преданіемъ: темная и „санкирная„ изъ „вохры“ и другихъ составовъ, красная изъ жженой „вохры“, черная изъ жженой кости и т. п. На иконахъ Корсунскаго стиля краски были посвѣтлѣе. Доски образныя были съ выемкой, липовыя, грушевыя, кипарисныя.

Впослѣдствіи на сѣверѣ изъ двухъ стилей, Византійскаго и Корсунскаго, образовался испорченный третій—Суздальскій, но лучшіе русскіе художники всегда держались Византійскаго стиля: таковъ, напримѣръ, извѣстный древній иконописецъ и инокъ Рублевъ, давшій свое имя цѣлой иконописной школѣ. Находящаяся въ Оружейной палатѣ икона Благовѣщенія написана именно въ стилѣ „Рублевыхъ“, свѣтло-колернымъ греческимъ XV в. письмомъ. Она поступила въ Оружейную палату изъ палатъ бояръ Романовыхъ, у которыхъ, какъ во всѣхъ древнихъ великокняжескихъ, царскихъ и боярскихъ богатыхъ домахъ, существовала особая моленная. Къ стилю Рублева возвращалась русская иконопись и впослѣдствіи, послѣ временнаго уклоненія отъ него подъ вліяніемъ фряжскихъ художниковъ и собственныхъ несогласныхъ съ древнимъ духомъ измышленій. Именно, „Московскій“ стиль возникъ при Іоаннѣ IV и въ XVII вѣкѣ держался древне-греческихъ образцовъ, но внося въ нихъ уже свою личность и народность—большую сложность въ сюжетѣ и раскраскѣ.

Памятникомъ иконописи XVII вѣка можетъ служить сохраняющаяся въ Оружейной палатѣ икона Деисусъ, писанная въ 1680 г. Ѳеодоромъ Абросимовымъ, государевымъ зографомъ, состоявшимъ вмѣстѣ съ другими въ вѣдомствѣ Оружейной палаты иконнаго терема на государевомъ жалованьи.

Очень древняго письма икона Николы Можайскаго, вѣроятно поступившая въ палату изъ царской крестовой. Крестовая, или моленная, гдѣ совершались утреннія и вечернія молитвы, а иногда и церковныя службы, бывала обыкновенно вся убрана иконами—цѣлымъ иконостасомъ, панагіями и святынею, разными предметами поклоненія. Мѣстныя иконы,

кромѣ хорошихъ окладовъ съ каменьями, украшались еще различными привѣсами, т.-е. крестами, серьгами, перстнями, золотыми монетами, жемчужными нитями. Внизу иконъ подвѣшивались застѣнки или пелены, шелковыя, шитыя золотомъ, низанныя жемчугами, убранныя дробницами, т.-е. мелкими серебряными и золотыми иконами, и другія украшенія. Самое наименованіе крестовой комнаты показываетъ, что главнымъ предметомъ поклоненія были въ ней кресты, „т.-е. святыня въ собственномъ смыслѣ домашняя, комнатная, такъ сказать, обиходная, которая собиралась и накоплялась у каждаго домохозяина сама собою, начиная съ креста-тѣльника, получаемаго при крещеніи, и кончая крестами благословенными, получаемыми отъ разныхъ лицъ по случаю того-же крещенія, въ благословеніе отъ воспріемниковъ, отъ родителей и родственниковъ и въ другихъ торжественныхъ случаяхъ“. (Забѣлинъ). Образцомъ подобныхъ панагій, крестовъ и другихъ святынь могутъ служить хранящіеся въ Оружейной палатѣ. Тамъ-же находится драгоцѣнная панагія патріарха Іосафа II, украшен-

ОБРАЗЪ РѢЗНОЙ НА ИЗУМРУДѢ, ПАНАГІИ, КРЕСТЫ НАПЕРСНЫЕ, ЗАПОНА.

СТАРО-РЯЗАНСКІЙ КЛАДЪ.
КРЕСТЫ, ОБРАЗКИ И ПОДВѢСКИ, ПЕРСТНИ, ПУГОВИЦЫ.

ная финифтью и драгоцѣнными камнями. Въ Оружейной палатѣ сохраняется и цѣлая коллекція тѣльниковъ-крестовъ, и оригинальные образа-складни: древній образъ Петра Митрополита, съ житіемъ, рѣзной на кости, кресты рѣзные на камняхъ и на драгоцѣнныхъ камняхъ—изумрудѣ и другихъ.

Лучшимъ образцомъ древней работы крестиковъ и подвѣсокъ могутъ служить различные священные предметы, открытые въ Рязанскомъ кладѣ вмѣстѣ съ древними великокняжескими бармами: мраморные кресты, образки и подвѣски древней чеканки.

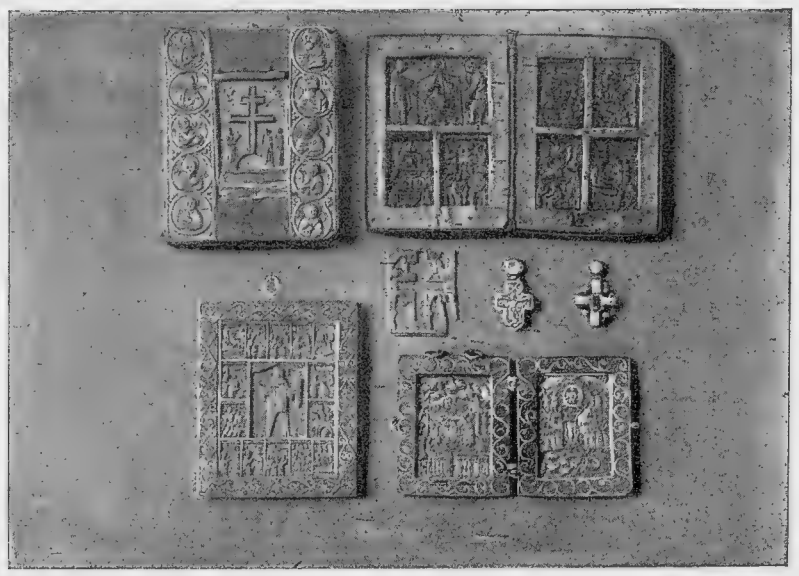
И такъ, не взирая на нѣкоторыя частныя, мѣстныя уклоненія отъ византійскаго первообраза, наше иконописаніе крѣпко держалось своего коренного начала въ духѣ православія восточной Церкви. „Ограниченное завѣтнымъ преданіемъ, византійскимъ первообразомъ и символическимъ направленіемъ, конечно, оно не могло свободно развиваться; но это не мѣшало церковной живописи восходить къ совершенству въ своемъ родѣ, какъ видимъ изъ нѣкоторыхъ ея образцовъ, гдѣ типическая строгость рисунка соединена со святолѣпностью

изображенія, нравственно-духовное приличіе съ отчетливостью и изяществомъ исполненія... церковной живописи необходимо имѣть свой типъ священный, гдѣ искусство подчинено религіознымъ идеямъ". („Др. Р. Гос.").

Иконы, глубоко чтимыя народомъ, составляли на Руси не только церковную, но и государственную святыню. Съ ними связана судьба многихъ русскихъ областей и городовъ, въ исторіи которыхъ онѣ играли громадную роль. Народъ глубоко вѣруетъ въ то, что Владимірская чудотворная икона и другія иконы Богоматери не разъ отвращали бѣду отъ мѣстъ своего пребыванія: спасали отъ татарскихъ нашествій, унимали свирѣпствовавшія болѣзни. „Владимірская икона, свидѣтельница обѣтовъ русскихъ святителей и государей, двинута была изъ Москвы въ Кострому для призванія Михаила Романова на осиротѣвшій престолъ, Тихвинская Богоматерь дана была порукою на Столбовскомъ мирѣ, а Смоленская сопутствовала въ 1812 г. россійскому воинству. Кому не извѣстно, какое значеніе иконы имѣли зачастую въ семейной жизни, иконы, данныя родителями дѣтямъ въ благословеніе, писанныя по обѣщанію и въ ознаменованіе достопамятныхъ событій". („Др. Р. Гос.").

Сознавая всю важность дѣла иконописи, и Петръ I учредилъ цензуру для иконописанія, желая сохранить его въ благолѣпномъ видѣ, согласномъ съ преданіями древняго иконописнаго искусства.

„Лучшаго ради исправленія и чести святыхъ иконъ въ искусствѣ иконнаго и живописнаго изображенія, которые пишутъ иконы московскихъ, градскихъ и иностранныхъ пріѣзжихъ людей во всероссійской державѣ велѣно надзирать и вѣдать ихъ кромѣ всѣхъ приказовъ суперъ-интенденту Ивану Петрову Зарудневу",—гласитъ указъ Петра отъ 1707 г., апрѣля 27-го. Русскіе патріархи и государи искони и неизмѣнно ревностно слѣдили за иконописнымъ дѣломъ и заботились объ его улучшеніи. Петръ и его преемники также слѣдовали ихъ примѣру.



КРЕСТИКИ И СКЛАДНИ РѢЗНЫЕ, ДЕРЕВЯННЫЕ И КОСТЯНЫЕ.

СЕРЕБРЯНАЯ ЧАРКА.

ГЛАВА III.

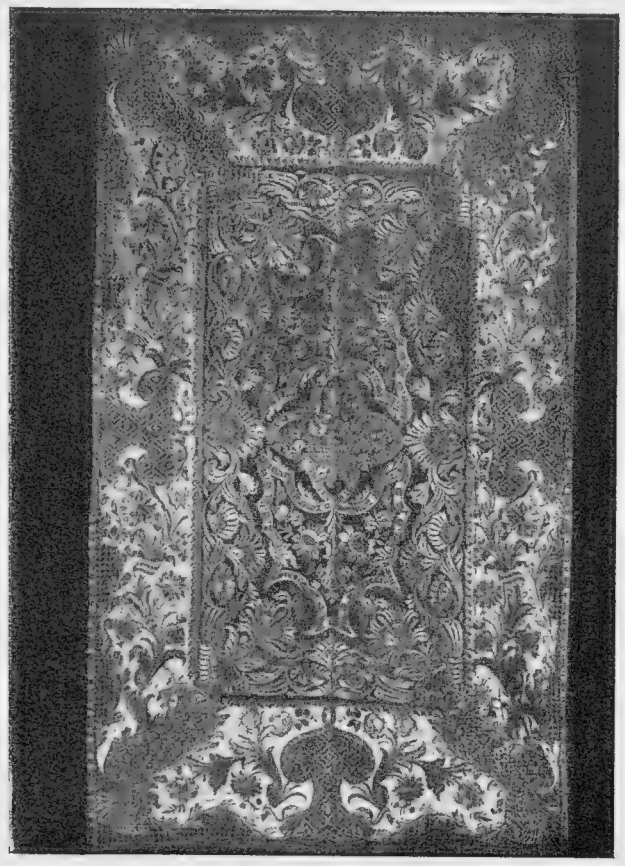
ДРЕВНЯЯ СТОЛОВАЯ И ДОМАШНЯЯ УТВАРЬ.

Не скоро ѣли предки наши,
Не скоро двигались кругомъ
Ковши, серебряныя чаши
Съ кипящимъ пивомъ и виномъ.
Руслан и Людмила.

Древнее сканное и чеканное искусство нашло себѣ примѣненіе еще въ одной отрасли прикладного искусства, кромѣ церковной: въ выдѣлкѣ различныхъ предметовъ столовой и домашней утвари царской и богатыхъ боярскихъ родовъ и именитыхъ людей. Греческіе образцы и орнаментъ и тутъ сослужили свою службу. Въ орнаментѣ преимущественно употреблялась, занесенная на Русь византійцами, чернь, черневая работа, которою наводили травы, цвѣтки, личины и письмена (черневою работой издревле славился Великій-Устюгъ) и финифть, наводимая на золотѣ, серебрѣ и мѣди для изображенія тѣхъ-же предметовъ.

Византійскимъ и русскимъ художникамъ извѣстна была также уже въ XI—XII вѣкахъ филигрань, или сканное дѣло, употреблявшееся при выдѣлкѣ болѣе мелкихъ предметовъ.

Необходимо замѣтить, что искусство чеканки, сканное и т. п. и даже искусство вообще въ древней Руси было исключительно прикладнымъ. „Не соединяя съ художествомъ высо-



НАСТОЛЬНИКЪ.

ДЕТАЛЬ ШИТАГО ПОЛОТЕНЦА.

каго понятія о творчествѣ, а съ ремесломъ унизительнаго, русскіе въ древности не различали свободнаго художества отъ служебнаго раболѣпнаго мастерства“ („Др. Р. Гос.“), художника вообще они называли хитрецомъ, или мастеромъ, а художественность—хитростію. Хитрость состояла не въ замыслѣ, не въ изобрѣтеніи, а прежде всего въ отдѣлкѣ. Такой взглядъ на искусство развилъ у насъ на Руси совмѣстную, артельную, братскую работу на подобіе того, какъ это водилось въ Греціи. Лѣтописи, упоминая о работѣ нашихъ художниковъ, часто прибавляютъ что такой-то работалъ „съ други“, „съ братіею“, „съ товарищи“, „съ ученики“.

Въ произведеніяхъ нашего древняго чеканнаго, сканнаго и рѣзного искусства замѣчательнѣе всего техническая часть: наши художники работали тогда безъ помощи машинъ, отъ руки, самыми незатѣйливыми орудіями, но все, что они ни дѣлали, исполнялось отчетливо и ловко: прочность и удобство соединялись въ ихъ работѣ съ тонкостью отдѣлки и затѣйливостью узора, который чеканился на самомъ корпусѣ сосуда. „Въ исполненіи рисунка у древне-русскихъ художниковъ обнаруживается вкусъ и симметричность, съ какой они располагали разнообразныя части цѣлаго, размѣщая въ приличныхъ мѣстахъ орнаменты, то припаянные, то привинченные, то накладные на корпусѣ, поддонѣ, переймахъ, веревочкахъ, огибахъ, дугахъ, проводкахъ, мишеняхъ, клеймахъ“ („Др. Р. Гос.“).

Все кованное, чеканное и обронное называлось въ древней Руси „кузнею“, а „кузнецъ“ значилъ почти то-же, что серебряникъ и золотыхъ дѣлъ мастеръ. Ковань была чеканная, басменная (отъ татарскаго „басма“—выбойка), когда на самыхъ тонкихъ плющеныхъ листахъ изъ золота, серебра и мѣди выбивались разные узоры. Фигуры были вальяшныя, или литыя массивныя и „тощія“, или выбивныя. Рельефъ былъ извѣстенъ подъ именемъ обронной работы, которая дѣлалась прорѣзная, чешуйчатая, ячейчатая, грановитая, дорожчатая, ложчатая.

Какъ уже было упомянуто выше въ главѣ о церковныхъ древностяхъ, русское прикладное искусство пережило въ теченіе вѣковъ извѣстную эволюцію: до эпохи Іоанна оно находи-

лось преимущественно подъ греческимъ вліяніемъ, въ эпоху Іоанна Итальянскій, Нѣмецкій и Голландскій стиль являются на смѣну первому и упорно держатся въ свою очередь въ продолженіе нѣсколькихъ столѣтій. Въ глубокой древности производство золотого и серебрянаго издѣлія особенно развито было въ Кіевѣ, Новгородѣ, Владимірѣ. Оно почти совершенно остановилось въ своемъ развитіи подъ тягостью монгольскаго ига, хотя въ видѣ исключенія въ лѣтописяхъ XIII и XIV вв. упоминаются еще русскіе кузнецы золота и серебра: извѣстны при Дмитріи Донскомъ два золотыхъ дѣлъ кузнеца: Макаровъ и Шишкинъ. Въ грамотахъ великой княгини Софьи Витовтовны говорится, что она „другую половину издѣльнаго серебра велѣла есмь хрестьяномъ, серебряникомъ отдавати“. Впослѣдствіи золотая, серебряная и драго-

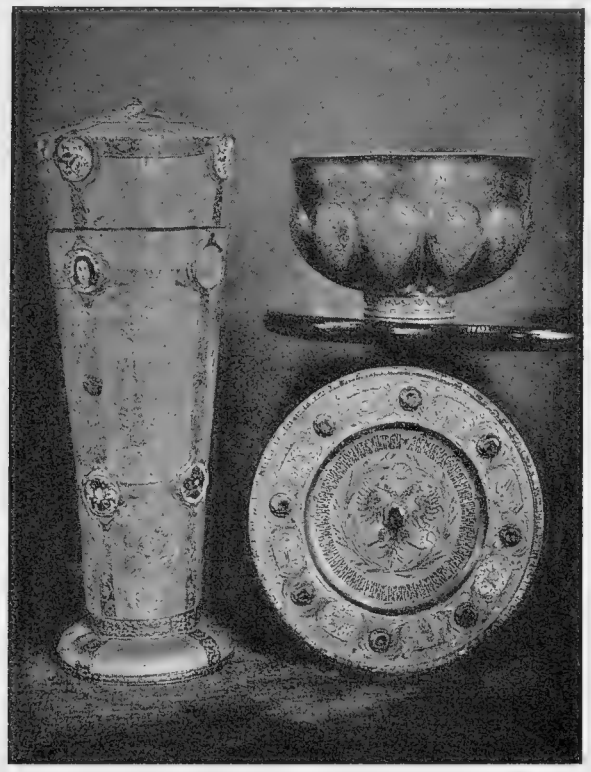
СЕРЕБРЯНЫЙ КУБОКЪ ІОАННА III.

СЕРЕБРЯНАЯ КУРИЛЬНИЦА ЦАРЯ МИХАИЛА ѲЕОДОРОВИЧА.

цѣнная посуда производилась въ Государевой мастерской палатѣ, у московскихъ рядскихъ серебряниковъ, у Троицы. Славилась также посуда „каповая“ и деревянная съ золотымъ наводомъ: троицкая, корельская и кирилловская.

Древняя царская столовая и домашняя утварь раздѣляется собственно на столовую посуду, на посуду хозяйственную, на вещи комнатныя и вещи, составлявшія поминки, или дары, присылавшіеся великимъ князьямъ или царямъ отъ разныхъ европейскихъ и азіатскихъ государей.

Въ хозяйствѣ большей частью употреблялись мѣдные, оловянные, глиняные и деревянные сосуды, также золотые и серебряные, имѣвшіе массу различныхъ названій, смотря по роду употребленія и соотвѣтственному устройству. Напитки съ погребовъ Сытнаго двора (отъ слова сытить напитки) отпускались обыкновенно въ ведрахъ, кружкахъ и чаркахъ и,



СЕРЕБРЯНЫЙ СЪ ЭМАЛЬЮ СТАВЕЦЪ ДЛЯ НОЖЕЙ, БРАТИНА И ТАРЕЛКА.

ДРЕВНЯЯ ЕНДОВА (КОРЕЦЪ).

того къ великому Государю въ столовое и вечернее кушанье всякихъ питей: 20 ведеръ, 3 кружки, 5 чарокъ". (Для стола Алексѣя Михайловича).

Всякія масла мѣрялись ложками: „12 ложакъ масла орѣховаго" (отпущено къ столу того-же государя).

Питія держались и разносились въ четвертинахъ, кувшинахъ, кунганахъ, воронкахъ, оловеникахъ, сулеяхъ, мушормахъ, жбанахъ, ендовахъ.

Для питья заздравнаго употреблялись: братины, чаши и чарки, для питья меда, пива и кваса: стопы, кружки, достоканы (стаканы), при угощеніи напитками—кубки, для черпанія: чумы, чумки, черпальцы и ковши, которые были „выносные" и „питые".

Кушанья подавались на блюдахъ, блюдцахъ, стоянцахъ, горшечкахъ, сковородахъ съ кровлями, для вареныхъ плодовъ и овощей употреблялись овощники, для разсоловъ разсольники, лимонники, для свѣжихъ плодовъ—вѣки—серебряныя корзины, для леденца, сухихъ плодовъ, смоквы и т. п. крошни, стоянцы и ставцы, для разныхъ приправъ: солонки, судки съ сосудцами (гдѣ держали уксусъ, мушкатный орѣхъ, перецъ, соль, сахаръ, инбирь).

Для омовенія рукъ существовали серебряники, или рукомойники, и лахани. Для украшеній поставцовъ и стола—горы, всадники и разные чеканные звѣри и птицы. Кромѣ того, русскіе любили разную „потѣшную" посуду: кубки съ мельницами, кубки въ видѣ кораблей на колесахъ и т. п., „скляница потѣшная, а въ ней люди играютъ въ мусики". Въ числѣ столовыхъ приборовъ—ложекъ, ножей и вилокъ—были походныя готовальни, называвшіяся монастырьками. „Монастырекъ клеенъ бархатомъ осиновымъ, въ немъ ложки да вилки съ черенками серебряныя золоченыя съ разными финифты". („Др. Р. Гос.").

Драгоцѣнная утварь, подобно драгоцѣнной одеждѣ, переходила изъ рода въ родъ; благодаря обычаю обмѣниваться дарами, состоявшими изъ кубковъ, чарокъ и т. п.,—поставцы дорогой посуды служили лѣтописью семейныхъ событій и дружественныхъ отношеній.

При дворахъ великокняжескихъ и царскихъ въ торжественные дни парадныхъ обѣдовъ и пировъ столы ломились отъ тяжести массы наставленной на нихъ драгоцѣнной посуды.

Въ глубокой древности при великихъ князьяхъ пиры происходили въ гридницахъ, или столовыхъ палатахъ. Бургардтъ, посолъ германскаго императора къ Святославу (1075 г.), ослѣпленъ былъ сокровищами и драгоцѣнностями, изъ которыхъ состояла обстановка княжескаго двора. Позднѣе подобный-же торжественный пріемъ оказанъ былъ Іоанномъ Грознымъ

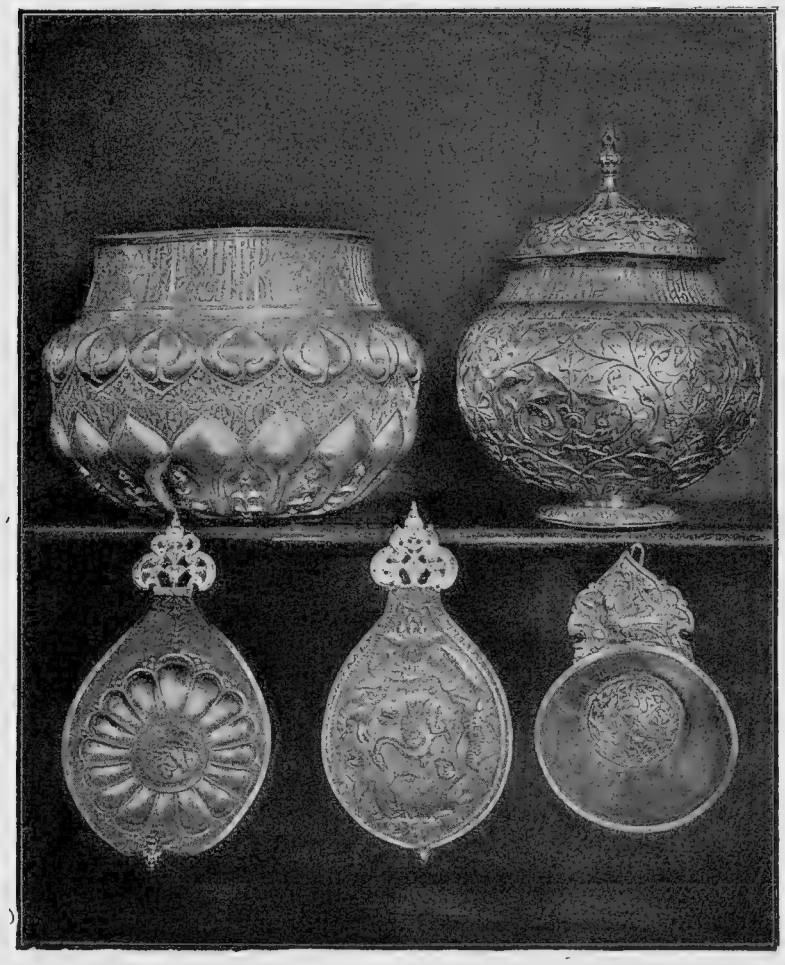
Ченслеру, англійскому послу, приглашенному къ царскому столу. Онъ оставилъ любопытное описаніе пріема и царскаго обѣда. „Всѣ блюда и кубки для ста обѣдавшихъ человѣкъ, пишетъ онъ, были изъ лучшаго золота, а столы такъ обременены драгоцѣнной посудой, что даже не доставало мѣста... сто сорокъ прислужниковъ были всѣ въ золотой одеждѣ и во время стола три раза перемѣняли ее".

Такимъ-же богатствомъ отличались и пріемы патріарха. Даже многіе богатые боярскіе роды владѣли цѣлымъ состояніемъ, заключавшимся въ массѣ драгоцѣнной утвари, выставлявшейся на показъ въ поставцахъ и на пирахъ. Деревянная каповая съ позолотой посуда и фаянсовая употреблялась только въ домашнемъ быту. Нѣмецкая оловянная посуда появилась на Руси въ концѣ XVII в. и при дворѣ употреблялась только для „людей".

Цари часто жаловали серебряными и золотыми сосудами князей и бояръ за службу, или, въ знакъ своего благоволенія къ нимъ, посылая жалуемымъ на домъ кубокъ вина или блюдо какого-нибудь кушанья: такъ, между прочимъ, и въ описи пожитковъ Бориса Годунова значатся 2 кубка царскаго жалованья. Бояре и другъ другу дарили поминки такими-же сосудами.

Интересны древнія скатерти, которыми накрывались столы: онѣ были шитыя или браныя, отъ 6—12 аршинъ длины. Многія скатерти присылались въ даръ на Русь отъ различныхъ европейскихъ владѣтелей. Въ Оружейной палатѣ хранится шелковая скатерть, присланная русскому государю Христіерномъ IV датскимъ. Русскія скатерти и фаты (настольники) отличались замѣчательнымъ изяществомъ работы.

Всѣ иностранные писатели, побывавшіе на Руси, единогласно повѣствуютъ о роскоши



СЕРЕБРЯНЫЕ БРАТИНЫ И КОРЦЫ.

БРАТИНА.

и достоинствѣ русскаго стола. По русскому обычаю, именитыхъ гостей прежде всего чествовали на Руси пирами: Новгородъ Великій, еще въ бытность свою „Господиномъ“, въ лицѣ своего владыки-посадника и старѣйшинъ, въ два мѣсяца задалъ 17 пировъ въ честь великаго князя Іоанна. Бояре выходили изъ „поса овъ“ псковскихъ и изборскихъ навстрѣчу Софьѣ Палеологъ съ кубками и золотыми „роги“, наполненными виномъ, и пили за ея здоровье.

ТРИ ЗОЛОТЫЯ БРАТИНЫ, УКРАШЕННЫЯ ЭМАЛЬЮ И ДРАГОЦѢННЫМИ КАМНЯМИ.

Русскій великокняжескій столъ XV вѣка, по свидѣтельству иностранцевъ, состоялъ изъ множества отличныхъ блюдъ (записки венеціанца Контарини), преимущественно кушаній изъ дичи. Царскіе столы были еще обильнѣе. Вообще наши предки любили хорошо покушать. Извѣстный Домострой даетъ даже расписаніе обѣдовъ на цѣлый годъ, съ распредѣленіемъ блюдъ соотвѣтственно временамъ года, праздникамъ и постамъ, при чемъ исчисляетъ великое множество кушаній, даетъ указанія о запасахъ, соленьи, вареньи, варкѣ медовъ и пива и т. п. На званыхъ обѣдахъ существовалъ цѣлый „нарядъ“ кушаній, изъ которыхъ каждый гость могъ выбирать блюдо по своему вкусу. Сразу подавалось нѣсколько суповъ: шти богатыя, шти бѣлыя со сметаною или уха стерляжья и куричья, шафранная съ пшеномъ и т. п. или кавардакъ и калья (разсольникъ) утечья съ солеными сливами и т. п. Между ухами подавались короваи, пироги и пирожки тельные, съ сигомъ, соковые, съ хворостами, съ сельдями и т. д. Затѣмъ шелъ нарядъ росольный: нельма, стерлядь, лососина, раки; нарядъ взваровъ—тетеревъ, окорокъ; жаркія: рябчики, лебеди, журавли, чапли, баранина, говядина. Потомъ подавали хлѣбенныя, потомъ сласти: варенія изъ разныхъ ягодъ, арбузовъ, дынь; пастила разнообразная, леваши, пастила на подобіе блиновъ и т. д. Иногда одно кушанье давалось на нѣсколько блюдъ: потрохъ лебяжій голова отдѣльно, ножки на два блюда и т. д.

На придворныхъ обѣдахъ, гдѣ присутствовалъ посолъ императора Леопольда, Мейербергъ, подано было до полутораста блюдъ, но доходило число ихъ, въ болѣе торжественныхъ случаяхъ, и до 200. Мейербергу былъ поданъ золотой приборъ, а другимъ чиновникамъ серебряные. „Кушанья были превосходны, но по причинѣ дальняго отъ царскаго дворца разстоянія совершенно простыли“. Вмѣстѣ съ кушаньемъ на столъ поставили 40 большихъ кружекъ съ разными наливками, мальвазіей, испанскими и французскими винами, медами и т. п.

При Алексѣѣ Михайловичѣ и другихъ Романовыхъ вошло въ обычай подавать въ числѣ сластей огромныя ваянія изъ сахара. На обѣдѣ по случаю рожденія царевича Петра Алексѣевича поданы были въ столъ: коврижка сахарная большая, гербъ государства Московскаго; голова большая расписана въ цвѣтокъ вѣсомъ 2 п. 20 ф.; два орла, лебедь сахарный вѣсомъ въ 2 пуда; городъ сахарный Кремль съ людьми конными и пѣшими; башни корич-

ныя и т. п., и т. п. (Классическое описаніе царскаго обѣда даетъ гр. А. Толстой въ „Князѣ Серебряномъ“). Обычаи русскаго хлѣбосольства особенно долго держались, да и теперь еще сохранились частью на Дону и въ Малороссіи (вспомнимъ старосвѣтскихъ помѣщиковъ!).

Общимъ былъ (и есть) по всей Россіи обычай испиванія заздравныхъ чашъ, откуда подпись на братинахъ и чашахъ: „Чарка добра человѣка, пити изъ нея во здравіе, хваля Бога и моля про Господарево многолѣтнее его здравіе“.

При дворѣ великокняжескомъ и царскомъ, столомъ и разными съѣстными припасами завѣдовали цѣлыхъ три дворца: хлѣбенный, къ которому относились всѣ хозяйственные запасы для снѣдей, мучные, овощные, яйца, масла и гдѣ пеклись всякаго сорта хлѣба, кормовый, откуда отпускалось мясо, рыба, дичь и т. п., и сытный, завѣдовавшій питейной частью. При этихъ дворцахъ состояли особые чины: стряпчіе, ключники степенные и путные, подключники, чарочники, векошники, состоявшіе „у живой рыбы, у рыбнаго соленья, у варенья кислыхъ питей, на ледосѣкѣ, у мясного пріема, на приказахъ въ селахъ, у рыбнаго расхода и т. п.“

МѢДНЫЯ БРАТИНЫ.

По расходной тетради 1699 года видно, что для дворцоваго продовольствія приходилось въ день болѣе 1,000 блюдъ и до 70 ведеръ различныхъ напитковъ. Съ сытнаго двора въ этотъ годъ отпустили питей на 4,545 р. 28 алтынъ 4 деньги, съ кормового на 20,944 рубля съ копѣйками, съ хлѣбеннаго на 12,219 рублей, не считая сверхсмѣтныхъ расходовъ на пиры, на посылки боярамъ и ближнимъ людямъ на подачи и „разныхъ чиновъ людямъ закормки“. Особый расходъ составляла также годовая дача съ 3-хъ дворцовъ на московскіе и городскіе монастыри. Особая дача отпускалась на семеновскій потѣшный дворъ сокольникамъ, подьячимъ и вербовщикамъ, львицѣ да бобру на кормъ, рыси да лисицамъ, бѣлымъ медвѣдямъ.

По записямъ Сытнаго двора, завѣдовавшаго освѣщеніемъ, въ 1699 году вышло на свѣчи и „лампады“ 879 пуд. воску на 3,517 р. съ копѣйками. Интересны названія восковыхъ свѣчъ, бывшихъ въ употребленіи: рогатыя, тонкія, простыя, ручныя, боярскія, образные налепы, приказныя, витыя объ одной свѣтильнѣ.

Только въ XVIII столѣтіи русскій столъ начинаетъ существенно измѣняться подъ вліяніемъ голландскаго вкуса: изобиліе блюдъ значительно сокращается, всѣмъ подается одно и то-же блюдо, измѣнился характеръ приправъ и сластей.

Петръ Великій, перенеся столицу въ Петербургъ, сократилъ сначала расходы, а потомъ число чиновъ продовольственныхъ дворцовъ и палатъ, а потомъ постановилъ указомъ 1700 года отпускать царицамъ и царевнамъ, московскимъ жительницамъ, деньги вмѣсто столовыхъ и хозяйственныхъ припасовъ.

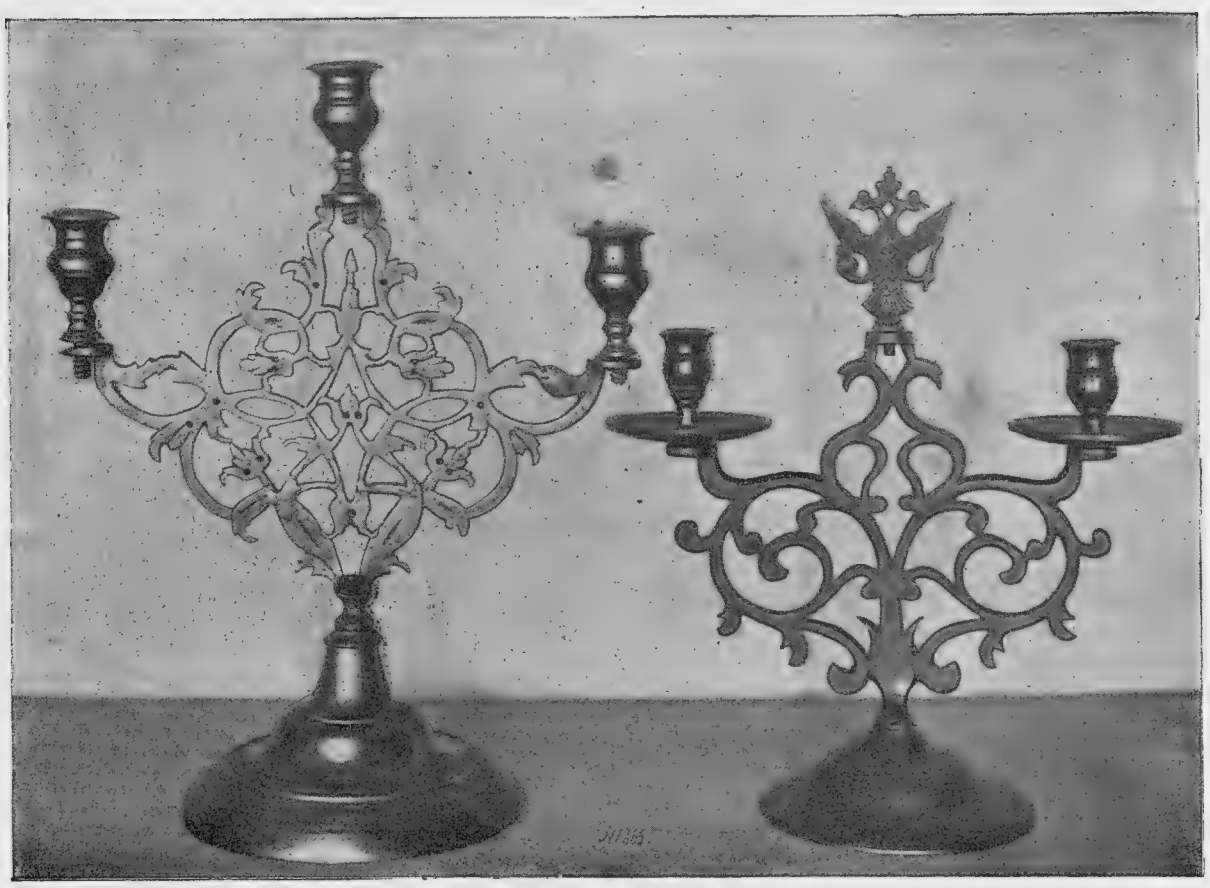
Не прошло и столѣтія, какъ вся старинная столовая обстановка вмѣстѣ съ обстановкой домашняго быта предковъ вообще отошла въ область преданій, производство утвари сократилось, серебро и золото замѣнились фаянсомъ и фарфоромъ, какъ болѣе подвижнымъ, легкимъ, не представляющимъ мертваго капитала, въ большинствѣ случаевъ давно пущеннаго въ оборотъ. Какъ драгоцѣнный памятникъ древняго русскаго быта, дорогая столовая обстановка сохранилась лишь въ различныхъ музеяхъ и древнехранилищахъ, главнымъ образомъ въ Оружейной палатѣ.

Въ Оружейной палатѣ хранятся замѣчательной работы чары и чарки, весьма древняго происхожденія, таковы: чара князя Владиміра Давыдовича Черниговскаго, найденная на мѣстѣ бывшаго татарскаго города Сарая на Волгѣ; чарка Годуновыхъ; чеканная чаша князя Владиміра Ивановича Воротынскаго и др., нѣсколько особенно драгоцѣнныхъ братинъ, или заздравныхъ чашъ, обычная форма которыхъ въ видѣ горшечковъ съ надписями сходна съ древне-латинскими сосудами, предназначенными для того-же употребленія.

При столахъ царскихъ надъ братиною, въ которую наливалась Богородицына чаша, молебствовалъ митрополитъ или патріархъ, потомъ подавалъ испить изъ нея государю-царю, духовнымъ властямъ, боярамъ и всѣмъ присутствовавшимъ. При питіи Государевой чаши совершалось моленіе о здравіи и благоденствіи государя и его семейства; надъ братиною митрополита или патріарха также возглашалось многолѣтіе.

Братина была первой необходимостью и на пирахъ частныхъ людей. Первый кубокъ было въ обычаѣ поднимать за здравіе царя, при чемъ молитва многолѣтія составлялась вѣроятно вновь при каждомъ царствованіи. Въ Оружейной палатѣ хранятся: замѣчательная по своей древности серебряная братина Іоанна III, костяная братина, украшенная финифтью, костяная братина съ финифтью, упомянутая въ описи 1682 г. въ числѣ вещей, перенесенныхъ въ казенный приказъ по указу Іоанна и Петра Алексѣевичей, поминальная братина Михаила Ѳодоровича за упокой царевича Іоанна, серебряная золоченая съ рѣзными узорами, наведенными чернью, золотая братина, поднесенная Никономъ царю Алексѣю Михайловичу,

КРУЖКА АУГСБУРГСКАЯ. ВЕДРО СЕРЕБРЯНОЕ ГАМБУРГСКОЕ. КУБОКЪ ФИЛАРЕТА.



БРОНЗОВЫЕ ПОДСВѢЧНИКИ XVII ВѢКА.

очень древняя братина яшмовая съ драгоцѣнными каменьями, братина Алексѣя Петровича, образецъ производства казеннаго приказа золотыхъ дѣлъ XVII в., ложчатая съ крышей съ двумя рукоятями, украшенная разноцвѣтной финифтью, изумрудами, алмазами и яхонтами.

Въ Оружейной палатѣ находится и цѣлая коллекція кубковъ, преимущественно выдѣлывавшихся изъ золота и серебра: они служили въ старину скорѣе украшеніемъ поставцовъ и столовъ, чѣмъ утварью, вывѣской богатствъ хозяина, памятниками пріязни и уваженія къ нему, такъ какъ жаловались обыкновенно боярамъ царемъ или пересылались въ видѣ подарковъ боярами между собою. Въ торжественные дни царскихъ свадебъ и тезоименитствъ и при вступленіи на престолъ, разными лицами и сословіями подносилась государю масса кубковъ. Алексѣю Михайловичу поднесли ихъ однажды болѣе двухсотъ. Въ Оружейной палатѣ есть кубокъ „Орѣхъ индѣйскій“ патріарха Филарета Никитича, оправленный золоченымъ серебромъ; кубокъ-пѣтухъ великаго князя Іоанна Васильевича III; серебряный чеканный кубокъ 1596 г.; стопа Михаила Ѳеодоровича; потѣшный кубокъ Алексѣя Михайловича, чумы, или ковши, Іоанна Грознаго; золотой ковшъ Бориса Годунова; перечница Ѳеодора Іоанновича; 2 серебряныхъ кувшина патріарха Филарета, „золочены у кровель на краю по личинѣ поясной крылатые, по сторонамъ по два звѣря морскихъ“; древнѣйшій турій рогъ, оправленный золотомъ и драгоцѣнными каменьями; чарка Михаила Ѳеодоровича и т. п. драгоцѣнные памятники старинной столовой и хозяйственной утвари, драгоцѣнные своей древностью и вдвойнѣ драгоцѣнные, какъ памятники, наглядно иллюстрирующіе собою величавую обстановку отошедшаго въ вѣчность роднаго быта.

ЛАРЕЦЪ И СВѢТЦЫ.

ГЛАВА IV.

ОБСТАНОВКА ДРЕВНЕ-РУССКИХЪ ХОРОМЪ: ДРЕВНЯЯ МЕБЕЛЬ И КОМНАТНЫЙ НАРЯДЪ.

Внѣшній видъ древняго великокняжескаго, а впослѣдствіи царскаго дворца представлялъ изъ себя массу разнообразныхъ зданій всякой величины безъ какого-либо правильнаго, симметричнаго плана. Преимущественно изъ описанія загородныхъ дворцовъ XVII вѣка мы можемъ, по мнѣнію Забѣлина, составить себѣ понятіе о характерѣ великокняжескихъ и царскихъ жилыхъ хоромъ. Типичнѣйшей изъ такихъ построекъ является дворецъ Коломенскій, модель котораго хранится въ Оружейной палатѣ. Онъ относится къ XVII вѣку, но вкусы и потребности жизни до-Петровской Руси не измѣнялись въ теченіе столѣтій, наши предки стремились жить по старинѣ и въ устройствѣ жилищъ особенно неизмѣнно проводили старый обычай.

Центромъ постройки служили переднія государевы хоромы, заключавшія пять жилыхъ комнатъ съ отдѣльными сѣнями при каждомъ выходѣ. Противоположно „передней“ дальше къ сѣверу находилась большая столовая, она соединялась съ комнатами посредствомъ обширныхъ столовыхъ сѣней, надъ которыми тремя ярусами возвышались свѣтлые чердаки, или терема съ открытыми галлереями, или гульбищами, со всѣхъ четырехъ сторонъ. Нижній этажъ хоромъ отходилъ подъ подклѣты, гдѣ помѣщались кладовыя, жилье для дворовыхъ

ТРОНЪ В. КН. ІОАННА III ИЗЪ СЛОНОВОЙ КОСТИ.

людей и карауловъ стрѣльцовъ. За комнатами государя, во дворѣ, находились комнаты царевича съ теремами наверху. Еще глубже во дворъ стояла государева мыленка, за нею оружейная и стряпущія избы. Изъ мыленки лѣстница вела вверхъ на сѣни царицыныхъ хоромъ, находившихся позади хоромъ государевыхъ. При дворцѣ стояли еще и хоромы царевенъ съ теремами, мыленками и т. п., соединявшіяся съ главнымъ зданіемъ разными переходами.

Всѣ эти зданія были покрыты самыми разнообразными крышами въ видѣ шатровъ, бочекъ, скирдовъ съ золотыми, узорчатыми гребнями съ маковицами наверху, съ трубами, сложенными изъ поливныхъ изразцовъ, съ башнями и башенками съ орлами, единорогами и львами на флюгерахъ и т. п. По карнизамъ и подзорамъ зданій шла пестрая вычурная рѣзьба, по рисункамъ церковнаго стиля: по угламъ у оконъ и дверей шли колонны, полуколонны, капители, дорожники и т. п. съ узоромъ изъ листьевъ, травъ, цвѣтовъ, орловъ, грифовъ, птицы сирина и т. п. затѣями древняго рѣзного оброннаго дѣла, продержавшаяся у насъ до эпохи Алексѣя Михайловича (XVII), когда нѣмцы занесли на Русь свою фигурную рѣзьбу въ стилѣ Возрожденія. Всѣ рѣзи расписывались яркими красками, сусальнымъ серебромъ и золотомъ, и такими-же украшеніями пестрѣли и деревянные покои Кремля.

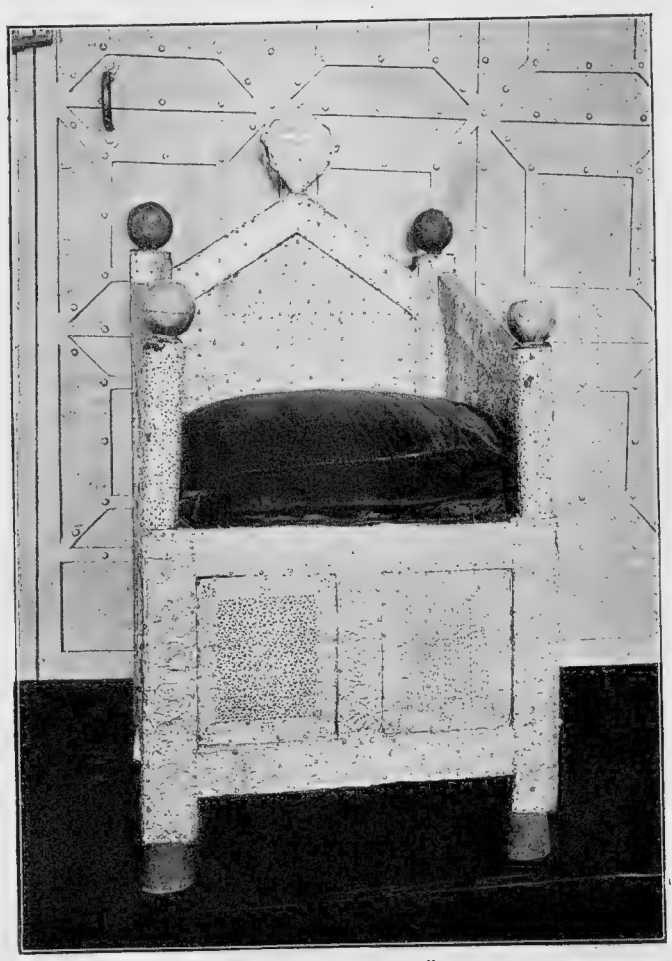
Богатые боярскіе покои походили по типу постройки, внѣшнему и внутреннему убранству на царскія хоромы въ миніатюрѣ: „изба“ одинаково легла въ основу постройки тѣхъ и другихъ. Хоромы побѣднѣе ближе къ типу избы, но всѣ онѣ и самыя избы украшались рѣзьбою пестрой и фигурной: она является одной изъ необходимѣйшихъ принадлежностей древне-русскаго стиля.

Ворота хоромъ извнѣ и изнутри всюду украшались иконами, писанными на доскахъ, или крестами.

Внутри хоромъ стѣны и потолки обшивались краснымъ, гладко выстроганнымъ тесомъ; въ богатомъ быту сверхъ теса хоромы внутри обряжались „нарядомъ шатернымъ“: сукнами и другими тканями. Подволоки, или потолки, убирались рѣзьбою, слюдой съ рѣзными украшеніями изъ жести, олова и бѣлаго желѣза; въ Серебряной царской палатѣ потолокъ устроенъ былъ даже изъ серебра-рельефный, или „вислый“. Сообразно украшенію подволоки украшались окна и двери, покрывавшіяся рѣзьбою по наличникамъ, или подзорамъ, т.-е. въ верхнихъ частяхъ; рѣзьба по дереву золотилась или раскрашивалась. Полъ, или “мостъ“, выкладывали дубовымъ кирпичемъ, т.-е.

ТРОНЪ ІОАННА III ИЗЪ СЛОНОВОЙ КОСТИ.

ТРОНЪ ЦАРЯ БОРИСА ГОДУНОВА.



ТРОНЪ ХИВИНСКІЙ.

квадратами, иногда косяками, и тогда полъ назывался косящатымъ. Этотъ родъ паркета иногда расписывали красками, зеленой и черной, въ шахматъ или подъ мраморъ. Въ Посольской палатѣ былъ полъ гончарный каменный съ узорами.

Обычной мебелью царскихъ и боярскихъ хоромъ были въ продолженіе цѣлаго ряда вѣковъ лавки, подобно до сихъ поръ существующимъ въ избахъ; онѣ шли вдоль стѣнъ по всей комнатѣ, дѣлались изъ досокъ въ $^3/_4$ аршина ширины и укрѣплялись на столбикахъ или подставкахъ (стамикахъ). Иногда подъ лавками устраивались рундуки съ затворками—нѣчто въ родѣ шкаповъ или ларей. Лавки подлѣ оконъ назывались красными, у стѣны передняго угла—передними, у входныхъ дверей въ заднемъ углу—кониками.

Въ окна вставлялись „станки оконничные“, или рамы, обитыя сукномъ. Въ нихъ на петляхъ и крючкахъ укрѣплялись „оконницы“, соотвѣтствовавшія нашимъ рамамъ, подъемныя, задвижныя (въ волоковыхъ окнахъ) и отворныя. Стеколъ не употреблялось вплоть до XVIII в., ихъ замѣняла слюда, вставленная въ желѣзную оконную сѣтку изъ четыреугольниковъ или треугольниковъ, круговъ, кубовъ и т. п. (отсюда косящатое или клинчатое, кругчатое окно). Слюда прикрѣплялась иногда оловянными денежками, въ XVII в. слюду стали расписывать узорами, изображеніями птицъ, травъ, людей и звѣрей. Въ исходѣ XVII в. появились кое-гдѣ и стекла, иногда цвѣтныя, но были рѣдкостью. Для защиты отъ холода изнутри окна закрывались зимой втулками, щитами изъ сукна, снаружи ставнями, деревянными или желѣзными. Подставки, крюки, скобы, гвозди и т. п. были въ царскихъ палатахъ луженые англійскимъ оловомъ, иногда серебряные.

Съ особеннымъ стараніемъ украшались и расписывались печи: изъ синихъ изразцовъ „ценинные“, изъ зеленыхъ „муравленыя“, четыреугольныя и круглыя, на ножкахъ, съ колонками и т. п. На изразцахъ расписывались травы, цвѣты, люди, животныя и т. п.

Лавки подобно стѣнамъ обыкновенно обряжали въ богатыхъ домахъ сукнами, сукномъ-же обивали полы и двери. Наиболѣе общепринятымъ являлось для такихъ подѣлокъ сукно красное (багрецъ, „червчатое“), вишневое, черное для траура, рѣдко другихъ цвѣтовъ. Нерѣдко

сукно накладывалось въ шахматъ: въ клѣтку изъ двухъ цвѣтовъ. Царскія и царицыны комнаты обряжались иногда атласомъ и носили названіе „атласныхъ“ (комнаты Натальи Кирилловны въ Кремлѣ). Въ XVII вѣкѣ появились во дворцахъ златотканные обои и „басменные“ золоченые, кожаные, которые частью выдѣлывались мастерами Оружейной палаты. Нерѣдко въ боярскихъ домахъ стѣны обивались расписаннымъ холстомъ или заграничными ткаными обоями „шпалерами“ (XVII в.) съ изображеніями людей, животныхъ и деревьевъ и другими рисунками.

Сидѣнья и спинки лавокъ обивали войлокомъ, по которому настилалось сукно, украшенное галунами шелковыми съ серебромъ и золотомъ, или покрывали суконными полавочниками съ каймами, иногда украшенными вшивными узорами. Въ царскихъ хоромахъ часто

ТРОНЪ ЦАРЯ МИХАИЛА ѲЕОДОРОВИЧА.

ТРОНЪ ЦАРЯ АЛЕКСѢЯ МИХАЙЛОВИЧА.

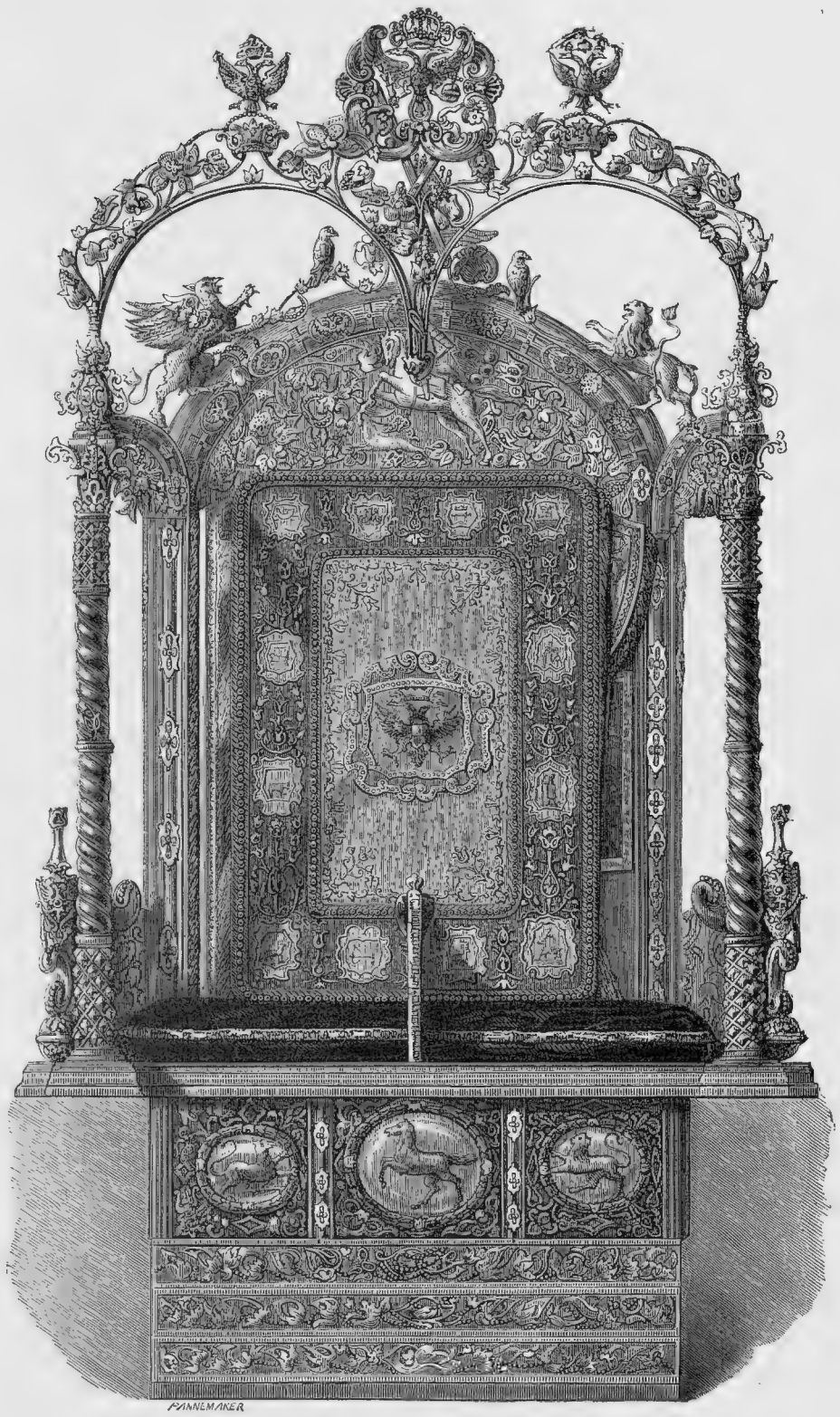
встрѣчались бархатные полавочники. Иногда на лавки (въ каменныхъ зданіяхъ) клали тюфяки ватные, стеганые въ шахматъ или ковры.

Двери и окна завѣшивались тафтяными, камчатными, суконными и другими занавѣсами, почти всегда украшаемыми подзоромъ изъ шелковаго галуна съ серебромъ и золотомъ, или золотымъ плетенымъ кружевомъ. Занавѣсы иногда протягивались по всей стѣнѣ или посреди комнаты, замѣняя перегородку или ширмы. Во дворцахъ въ торжественные дни сукно всюду замѣнялось шелковыми и золотными матеріями, бархатами, лавки и полы покрывались коврами, занавѣсы вѣшались парчевые. Нерѣдко при посольскихъ пріемахъ и въ дни торжествъ на лавки клали золотныя подушки.

Великолѣпнѣйшимъ нарядомъ стѣнъ и подволокъ является такъ-называемое „бытейское письмо“ Византійскаго стиля, церковнаго характера, поучительнаго содержанія, иногда символическое, любопытное описаніе котораго оставлено царскимъ иконописцемъ Симеономъ Ушаковымъ. Стѣнная живопись, кромѣ церковныхъ, пользовалась еще сюжетами изъ отечествен-

ной исторіи, по идеѣ и стилю подобными церковнымъ. Иногда расписывались лавки и двери фруктами, травами и ландшафтами.

Во всѣхъ большихъ пріемныхъ и переднихъ комнатахъ устанавливались во дворцахъ царскія мѣста, или престолы: „отній златъ столъ“ („Сл. о полку Игоревѣ“) въ Византійскомъ стилѣ. Въ Оружейной палатѣ хранится престолъ Михаила Ѳеодоровича: „мѣсто царское обложено золотомъ съ каменемъ, большимъ и малымъ, и съ искрами и съ жемчуги съ большими: влагалище суконное, сверху багрецъ, а снизу на страфиль черленъ“. Троны великокняжескіе и нѣкоторыя мѣста предыдущихъ царей вѣроятно погибли въ пожарахъ и грабежахъ междуцарствія. Сохранились царское мѣсто Бориса Годунова—подарокъ персидскаго шаха, престолъ Іоанна Грознаго, гдѣ въ подражаніе византійскимъ престоламъ „подъ мѣсто царя и Государя и великаго князя звѣрь (установленъ), а ему три имена: лютой, левъ, скриментъ; второй звѣрь уена (гіена), третій—орелъ, четвертый — оскроганъ (апокалипсическій)“. На дверцахъ этого престола въ четырехъ клеймахъ помѣщено повѣствованіе о присылкѣ царскаго чина греческимъ царемъ Константиномъ Мономахомъ Владиміру Мономаху. Въ Оружейной палатѣ хранятся троны Алексѣя Михайловича, серебряный двойной тронъ Іоанна и Петра Алексѣевичей, рѣзной костяной тронъ западной работы съ русскими добавками XVII вѣка: по преданію, онъ привезенъ въ числѣ даровъ изъ Греціи къ бракосочетанію Іоанна III съ Софьей Палеологъ. Какой контрастъ предствляютъ эти старинные величественные массивные „столы“ съ троннымъ кресломъ Елизаветы, трономъ новѣйшаго времени изъ золоченаго дерева въ стилѣ рококо!

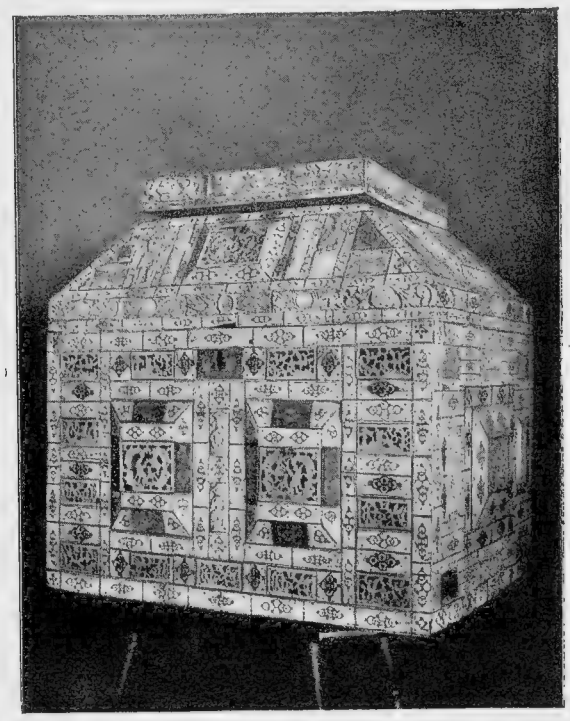


ДВОЙНОЙ СЕРЕБРЯНЫЙ ТРОНЪ ЦАРЕЙ ІОАННА И ПЕТРА.

ТРОНЪ ИМПЕРАТРИЦЫ ЕЛИЗАВЕТЫ.

Прочая древняя царская мебель не отличалась особой затѣйливостью работы. Для сидѣнья преимущественно употреблялись лавки, въ переднихъ углахъ подъ образами стояли простые дубовые и липовые столы, покрытые сукномъ, въ торжественные дни золотными коврами или бархатными подскатертниками. Съ половины XVII в. во дворцахъ и боярскихъ хоромахъ появляются „нѣмецкіе и польскіе столы на львиныхъ и простыхъ кривыхъ отводныхъ ногахъ, украшенныхъ рѣзьбою, со столовой доской, расписанной красками по золоту и серебру, съ подвѣсами или подзорами".

Кромѣ лавокъ, въ жилыхъ покояхъ стояли скамьи на четырехъ ногахъ или на глухихъ ногахъ изъ цѣльной доски, иногда съ переметомъ, т.-е. со спинкой глухой или рѣшетчатой, которая переметывалась на вертлюгахъ въ обѣ стороны. Были скамьи спальныя, замѣнявшія кровать съ изголовьемъ. Скамьи обряжались такъ-же, какъ и лавки. Общеупотребительной мебелью былъ „столецъ"—табуретъ. Стулья и кресла до Петра были рѣдкостной мебелью, почетною; во дворцѣ кресла подавались одному только государю и его семьѣ, а изъ гостей только патріарху (патріаршія кресла). Кресла состояли изъ четырехъ стоячихъ столбиковъ, между которыми утверждалась спинка, почти всегда украшенная коруною, или орломъ. Отъ заднихъ къ переднимъ столбикамъ протягивались подручки. Спереди кресель внизу устраивалось подножье. Стулья и кресла обивались атласомъ, бархатомъ, золотными тканями, украшались рѣзьбой, которая серебрилась и золотилась. Эти кресла, конечно, были уже „нѣмецкаго дѣла" или, по крайней мѣрѣ, „нѣмецкаго стиля".



ЛАРЕЦЪ, ОБЛОЖЕННЫЙ КОСТЬЮ.

Кромѣ комнатныхъ, стулья и кресла были выходные, богато разукрашенные, иногда съ драгоцѣнными каменьями, употреблявшіеся на царскихъ выходахъ и посольскихъ пріемахъ.

Стѣнныя зеркала мало употреблялись въ древней Руси и получили значеніе комнатной мебели только въ XVII в. Они стояли обыкновенно въ постельныхъ внутреннихъ хоромахъ. Стѣнныя зеркала устраивались или въ видѣ кіота со створками, или вдѣлывались въ деревянныя украшенныя рѣзьбою, позолоченныя, посеребренныя съ инкрустаціями рамы.

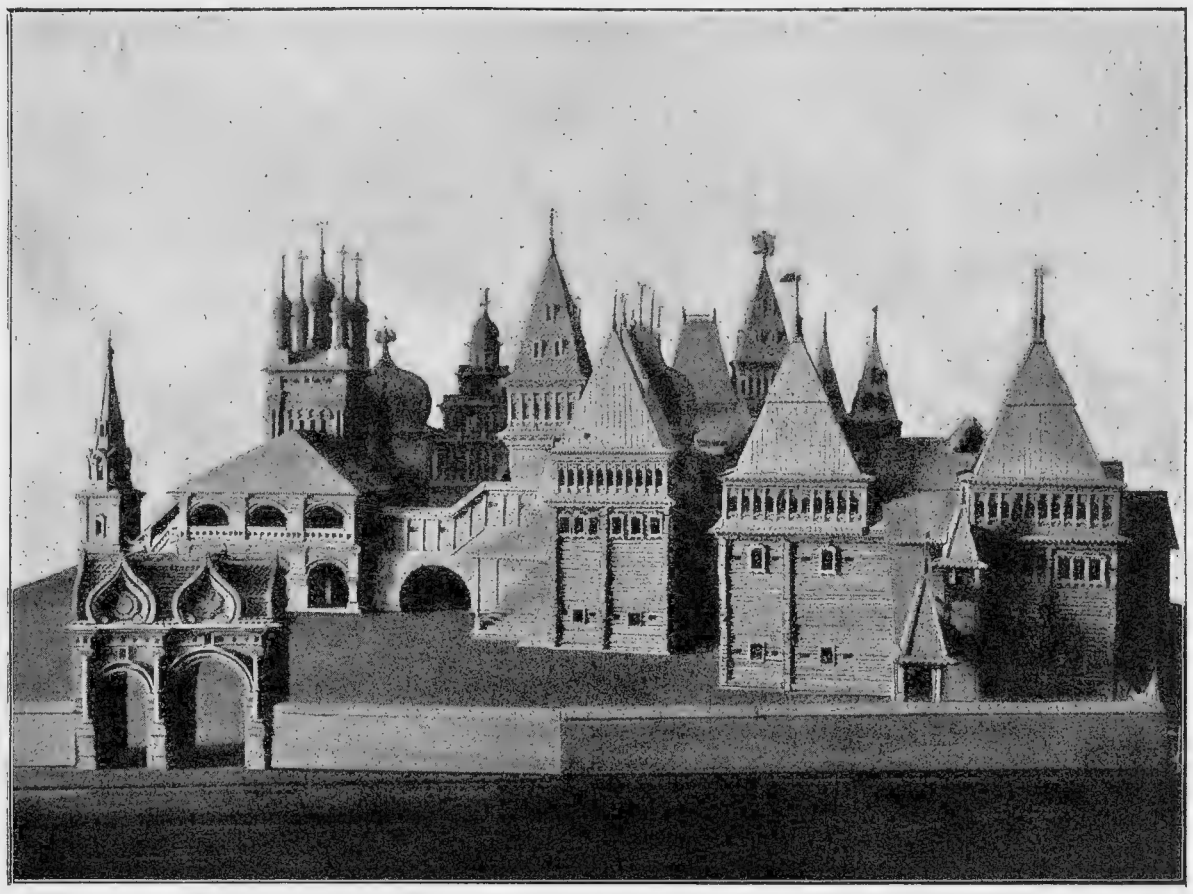
Въ XVII вѣкѣ стѣны украшались также въ богатыхъ хоромахъ картинами, писанными большею частью иноземными мастерами (притчи, церковные сюжеты и историческіе: рожденіе Александра Македонскаго) или русскими на иноземный манеръ, парсунами, т.-е. портретами; кромѣ иноземныхъ масте-

МОДЕЛЬ КОЛОМЕНСКАГО ДВОРЦА XVII ВѢКА.

ровъ, извѣстенъ былъ какъ портретистъ нѣкій иконописецъ Ѳедоръ Юрьевъ, также знаменитый Ушаковъ. Картины писались и на бумагѣ (Четыре стихіи, написанная для царевича Алексѣя), гравировались на мѣди и на деревѣ—„фряжскіе листы“. Фряжскій станъ для ихъ печатанія даже заведенъ былъ въ самомъ дворцѣ въ XVII в. Въ эпоху Алексѣя Михайловича во дворцахъ появились на стѣнахъ внутреннихъ покоевъ и географическія карты, писанныя по птичьему полету, съ изображеніемъ зданій, храмовъ, башенъ, людей и т. п. Подобные же картины, портреты, листы и карты украшали и боярскія хоромы.

Цари и русская знать XVI и XVII вѣковъ питали особое пристрастіе къ затѣйнымъ „хитрымъ“ часамъ, украшавшимъ въ изобиліи ихъ нарядныя хоромы. Часы были столовые, стѣнные или гирные, воротные, или зепные, т.-е. карманные, большею частью привозимые иноземцами: они устраивались „съ планидами съ накры, съ ворганы“; были часы такіе, что „какъ забьютъ третьчасье и тѣ часы поютъ разными гласы“. „Русскіе часы при указаніи времени дѣлили сутки на двѣ части: на часы дня съ восхода солнца и на часы ночи съ солнечнаго заката“ (Забѣлинъ).

Для поклажи и сохраненія вещей въ комнатахъ ставились казенки, поставцы, шафы, скрыни, шкатуни, сундуки, ларцы, коробья, подголовки; у стѣнъ придѣлывались вислыя полки, такія же полки устраивались и въ печурахъ. Поставцы—большіе ящики съ полками, безъ дверецъ—навѣшивались на стѣны и задергивались завѣсами, шафы устраивались съ дверцами и уступами, скрынями назывались комоды. Книги сохранялись въ шафахъ—книгохранительницахъ. Туалетныя вещи и драгоцѣнности—въ шкатунахъ, ларцахъ, скрыняхъ и подголовкахъ (сундуки черепаховидной формы). Ихъ ставили подъ голову въ дорогѣ и въ хоромахъ на лавкахъ. Вся эта мебель дѣлалась большею частью изъ дерева (въ Холмогорской сторонѣ, славившейся сундучнымъ производствомъ) и украшалась рѣзьбой, иная раскрашивалась красками подъ малахитъ и мраморъ и полировалась; въ царскихъ палатахъ стояли и рѣзные по кости и мѣдные кованые сундуки.



МОДЕЛЬ КОЛОМЕНСКАГО ДВОРЦА XVII ВѢКА.

Вечеромъ пріемныя комнаты освѣщались паникадилами и стѣнными подсвѣчниками; всѣ они по большей части были „нѣмецкаго“ дѣла и представляли разныя миѳологическія и аллегорическія фигуры. Въ обыденное время комнаты и сѣни освѣщались узорочными фонарями изъ слюды. На столы подавались малые подсвѣчники „шаньданы“ серебряные, мѣдные и изъ бѣлаго желѣза.

Въ комнатахъ курили для запаха ячнымъ пивомъ, розовой водой, роснымъ ладономъ и другими составными ароматами, курили въ жаровняхъ или въ затѣйливыхъ горахъ-курительницахъ, прекрасной и тонкой работы.

Въ XVII вѣкѣ во дворцѣ въ Потѣшной палатѣ появились органы и цимбалы „въ государскую радость“, но они дошли до насъ испорченные и обветшавшіе.

Въ царской „комнатѣ“, собственно жилой, въ которой проводилась большая часть дня, кромѣ обычной мебели, встрѣчались книгохранилища съ наборомъ книгъ для чтенія, на столѣ стоялъ письменный приборъ, лежали бумаги и перья, обыкновенно лебяжьи, карандаши и грифеля для записи на доскахъ или въ пергаментныхъ и „каменныхъ“ книжкахъ, иногда въ дорогой оправѣ съ драгоцѣнными камнями, стояли готовальни съ зеркаломъ, бритвами, ножницами, зубочистками, уховертками и т. п. принадлежностями. Цари Михаилъ Ѳеодоровичъ и Алексѣй Михайловичъ употребляли и очки. Въ поставцахъ стояла затѣйливая утварь.

Особенно интересные поставцы находились въ комнатахъ маленькихъ царевичей и царевенъ; тутъ были: и „нѣмка золочена у ней въ рукахъ стаканъ, и кораблики на колесахъ, и мужикъ съ лошадью и сохою, и слонъ серебрянъ“ и т. п. вещицы. Цари любили изящную утварь, особенно тщательно собиралъ все красивое царь Алексѣй Михайловичъ, обладавшій тонкимъ художественнымъ чутьемъ. Въ комнатѣ Натальи Кирилловны находился „Рай — въ немъ древо расцвѣчено, на древѣ ангелъ съ мечомъ“.

Въ царскихъ хоромахъ живали и рѣдкія птицы: попугаи и голосистыя канарейки, которые

покупались въ Охотномъ ряду по 6, 8 рублей за штуку, и соловьи и перепелки. У царицы Марьи Ильиничны было пять попугаевъ, за которыми смотрѣлъ карликъ Ивашка, у Евдокіи Лукьяновны жили горностаи и бѣлка, для которой покупали цѣпочку и колокольчикъ.

Постели устраивались по типу остальной мебели, были рѣзныя деревянныя, иногда расписанныя красками, съ драпировками и завѣсами; въ XVII вѣкѣ постели стали дѣлаться въ нѣмецкомъ стилѣ съ золоченой выпуклой, фигурной рѣзьбой, одѣяла были атласныя, взголовье и подушки пуховыя. Одѣяла парадныя обшивались каймами, затканными драгоцѣнными камнями. Въ постельной комнатѣ хранилось необходимое бѣлье и мелкія принадлежности мужского и женскаго убора; бѣлье называлась „бѣлой казной“. Тутъ-же хранились укладныя зеркала, гребни и гребенки изъ слоновой кости, рыбьяго зуба и деревянные, щети (щетки), оправленныя серебромъ мыла.

Въ женскихъ уборныхъ стояла масса всякихъ шкатулочекъ, коробочекъ и т. п. съ румянами, бѣлилами и сурьмой — необходимой принадлежностью туалета до-Петровскихъ красавицъ, которыя не смѣли никуда показываться не нарумяненныя, множество склянокъ съ душистыми водами, футляровъ съ драгоцѣнностями. Въ Оружейной палатѣ хранятся серебряныя и золотыя коробочки изъ-подъ туалетныхъ вещей, замѣчательно тонкой работы, украшенныя каменьями. Это большею частью вещи „нѣмецкаго“ дѣла или исполненныя въ подражаніе нѣмецкимъ русскими „хитрецами“ XVII вѣка.

ГЛАВА V.

ВОИНСКІЙ НАРЯДЪ.

На зарѣ своей политической жизни русскій народъ является преимущественно народомъ воинствующимъ. Съ самой эпохи призванія князей русскіе вступаютъ въ безпрерывную борьбу съ хозарами, греками, печенѣгами, половцами, поляками, литовцами, татарами и т. п. врагами, въ междоусобныя войны за удѣлы, безпощадныя и непрерывныя.

„Сѣдлай, братъ, своихъ борзыхъ коней,—говоритъ князь Всеволодъ въ извѣстномъ „Словѣ о полку Игоревѣ“,—а мои куряне извѣстные воины, подъ трубами пеленаты, подъ шлемами взлелѣяны, на концѣ копья вскормлены; дороги имъ извѣстны, ущелья знакомы, луки у нихъ натянуты, сабли отточены, сами скачутъ какъ сѣрые волки въ полѣ, ищутъ себѣ чести, а князю славы“.

Трехлѣтняго ребенка-мальчика уже посвящали въ воины въ эпоху языческой Руси, и этотъ обрядъ постригa перешелъ и въ Русь христіанскую. Опоясаннаго мечомъ и вооруженнаго колчаномъ стрѣлъ ребенка сажали на коня. Лѣтопись сохранила преданіе о такомъ постригѣ великокняжескихъ сыновей.

Уже при Святославѣ существовалъ обычай обученія войска боевымъ пріемамъ и строю, о чемъ сохранились извѣстія въ описаніяхъ грековъ, и сраженія велись по строго опредѣленному плану, обсуждавшемуся въ затруднительныхъ случаяхъ на военномъ совѣтѣ. „Ярославъ же выступи изъ града и исполчи дружину и поставя варязи по среди, по правой сторонѣ Кіяне, а на лѣвомъ крылѣ Новгородцы и сташа передъ градомъ“. Во время войны строились и полевыя укрѣпленія („Др. Р. Гос.“).

Древнѣйшая броня и оружіе состояли изъ кольчуги, шлема, щита, копья, рогатины,

сѣкиры, меча, лука и стрѣлъ. Изъ описанія Святославовыхъ воиновъ, сдѣланнаго греческимъ историкомъ Львомъ Діакономъ, видно, что брони и шлемы они носили кольчужные, щиты очень большіе. Сѣкиры, мечи, длинныя копья и стрѣлы употреблялись какъ наступательное оружіе. Не подлежитъ сомнѣнію, что вооруженіе древнихъ руссовъ было схоже со скандинавскимъ. Шлемы были остроконечные съ забралами, или личинами, для защиты лица; для защиты затылка и шеи къ шлему прикрѣплялась кольчужная желѣзная сѣтка. Кольчуга имѣла видъ рубахи, длиною была иногда до колѣнъ, иногда короче. Сѣкиры (т.-е. топоры) и обоюдоострые мечи отличались своей массивностью.

Надъ этимъ оружіемъ русскіе воины произносили свои клятвы и обѣты: „полагали щиты свои и мечи наги и обручи своя и прочая оружіе“. Золотые обручи составляли обручіе или

ЕРИХОНКА РУССКОЙ РАБОТЫ XVI ВѢКА.

ЕРИХОНКА РУССКОЙ РАБОТЫ XVI ВѢКА. ШАПКА ЕРИХОНКА КН. В. В. ГОЛИЦЫНА.

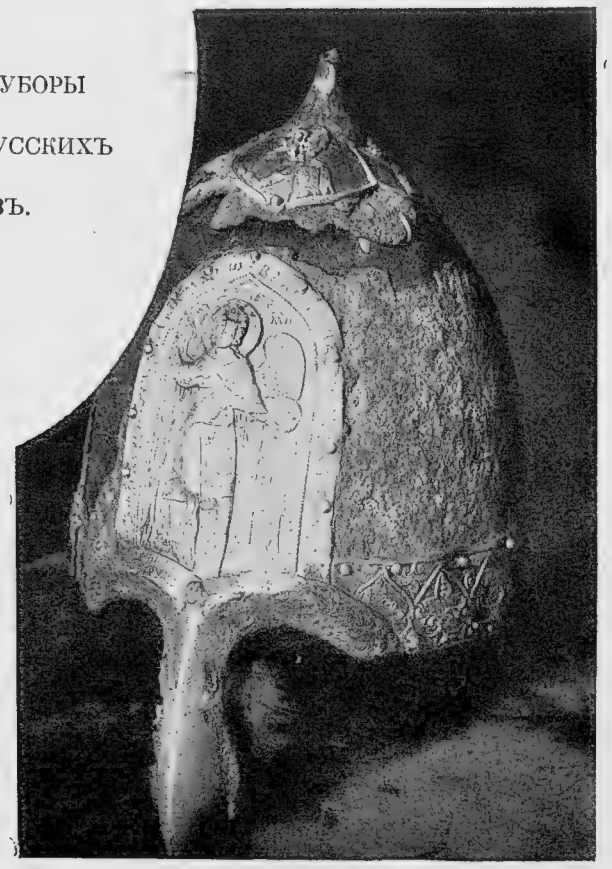
ГОЛОВНЫЕ УБОРЫ ДРЕВНИХЪ РУССКИХЪ ВОИНОВЪ.

обреченіе на службу („Др. Р. Гос.“). Существовалъ обычай обмѣниваться въ мирное время оружіемъ, какъ подарками.

Благодаря тому, что оружіе являлось первой необходимостью въ жизни древняго русса, производство его изстари велось на Руси и быстро развивалось. Древней Руси извѣстны были всѣ способы обработки стали и булата, нарѣзка, насѣчка, наводъ золотомъ и чернью по желѣзу. Любопытнымъ образцомъ русской работы воинскаго наряда XII вѣка служитъ хранящійся въ Оружейной палатѣ шлемъ великаго князя Ярослава Всеволодовича, найденный вмѣстѣ съ остатками кольчуги подъ Юрьевомъ Польскимъ при раскопкахъ въ 1808 г. Русскіе любили убирать серебромъ и золотомъ свой воинскій нарядъ. Такъ по „Слову о полку Игоревѣ“ Всеволодъ, Рюрикъ и др. князья носили „златые шеломы“. Кромѣ русскихъ шлемовъ наши воины носили шлемы латинской работы и подъ ними желѣзныя папорзи (латы, нагрудники),

ГОЛОВНЫЕ УБОРЫ ДРЕВНИХЪ РУССКИХЪ ВОИНОВЪ.

ШАПКА КНЯЗЯ МСТИСЛАВСКАГО ПЕРСИДСКОЙ РАБОТЫ.



ШЕЛОМЪ КНЯЗЯ ЯРОСЛАВА, XIII ВѢКА.

иногда шлемы аварскіе, извѣстные у насъ подъ именемъ іерихонскихъ шапокъ. Въ Оружейной палатѣ хранится такая іерихонская шапка, принадлежавшая по преданію св. князю Александру Невскому. Во времена царя Михаила Ѳеодоровича московскій оружейный мастеръ придѣлалъ къ ней украшенія съ драгоцѣнными камнями и финифтяное изображеніе архангела Михаила надъ задвижкой спереди, называемой въ описяхъ прорѣзнымъ носомъ. Шлемъ бываетъ насѣченъ золотомъ. Названіе іерихонскій произошло по всей вѣроятности или отъ города Іерихона, или отъ слова юргенскій, т.-е. грузинскій.

Шлемы вообще были очень разнообразны по виду и носили разныя названія: шишаки, колпаки, ерихонки, мисюрки и т. п. Особенно интересно выглядѣли мисюрки, имѣвшія форму череповъ и снабженныя кольчужной полостью, падавшей на плеча и запахивавшейся передъ лицомъ во время битвы.

Во время татарскаго владычества русское военное искусство сильно измѣнилось. Въ борьбѣ съ татарскими полчищами князьямъ приходилось выставлять уже не небольшіе отряды, какъ прежде, а огромныя ополченія: ратное дѣло для великихъ князей пріобрѣтаетъ еще болѣе важное значеніе. Начиная съ XV вѣка, въ военномъ дѣлѣ русскими много позаимствовано у татаръ. Появляются постоянные полки. По примѣру татаръ русская рать начинаетъ дѣлиться для большаго порядка на тысячи, сотни, десятки. Конница становится главной частью войска. Весь конскій уборъ тотъ-же, что у татаръ. Кривыя татарскія сабли смѣняютъ мало-по-малу прежніе мечи. При Дмитріи Донскомъ появляется на Руси первое огнестрѣльное оружіе. Впрочемъ, въ общее употребленіе оно входитъ позднѣе. Вообще, одни лишь княжескія войска имѣли въ старину хорошіе и вѣроятно однообразные доспѣхи. Что касается остальныхъ ратниковъ, то каждый вооружался, сообразно съ своими средствами и склонностью. Панцыри не уступали въ своемъ разнообразіи шлемамъ; кромѣ простыхъ кольчугъ древне-русскіе воины носили бахтерцы, байданы, юлиманы и колонтари: это были тѣ

же кольчуги съ прибавленіемъ металлическихъ пластинокъ или маленькихъ щитовъ различнаго вида на груди, спинѣ и бокахъ: это кольчужная восточная броня.

Въ оружейной казнѣ существовала китайская и монгольская калмыцкая броня, носившая названіе „куяка“. Куякъ въ сущности представляетъ изъ себя кожаную, суконную или ватную рубаху, на которой прикрѣплены были различныя металлическія бляхи для защиты. По описи временъ царя Михаила, всѣ куяки съ куяшными шлемами присылались первоначально на Русь „Алтыномъ-царемъ“ или тунгузскими владѣтелями. Особеннаго вниманія заслуживаютъ „зерцальные“ доспѣхи царей Михаила и Алексѣя московской работы бронныхъ мастеровъ Никиты Давыдова и Дмитрія Коновалова.

Нѣмецкіе полки, учрежденные при Михаилѣ Ѳеодоровичѣ, носили желѣзные нагрудники и желѣзныя шапки: эта одежда совершенно сходна съ европейской строевой одеждой того времени: французскихъ мушкетеровъ Генриха III и IV, швейцарской охранной стражи и т. п.

РУССКІЙ ПѢШІЙ РАТНИКЪ XVII ВѢКА.

РУССКІЙ ПѢШІЙ РАТНИКЪ XVII ВѢКА.

Въ Оружейной палатѣ хранятся образцы и этихъ латъ, остатка рыцарскихъ временъ, а также брони „зерцала“ съ круглыми щитками. Къ зерцальному и бахтерцовому вооруженію относились также и наручи съ кольчужными рукавицами и поножи. Таковы хранящіяся въ Оружейной палатѣ булатныя украшенныя драгоцѣнными камнями наручи князя Мстиславскаго, Ѳеодора, воеводы Іоанна IV.

Древне-русскіе щиты были преимущественно круглые, выпуклые, восточной формы, булатные, деревянные и кожаные. Подбой у нихъ почти всегда былъ краснаго цвѣта. Деревянные и кожаные щиты обтягивались чѳрвчатымъ бархатомъ или камкой, поверхъ которыхъ накладывались булатныя изукрашенныя или простыя навершья, плащи, мишени и гнѣзда съ драгоцѣнными камнями. Иногда пѣхота вооружалась щитами крѣпкими и длинными, до самыхъ ногъ. У русскихъ былъ въ употребленіи и конный щитъ—торчь или тарчь (арабское названіе, перешедшее вмѣстѣ съ употребленіемъ желѣзной брони почти во всѣ европейскіе

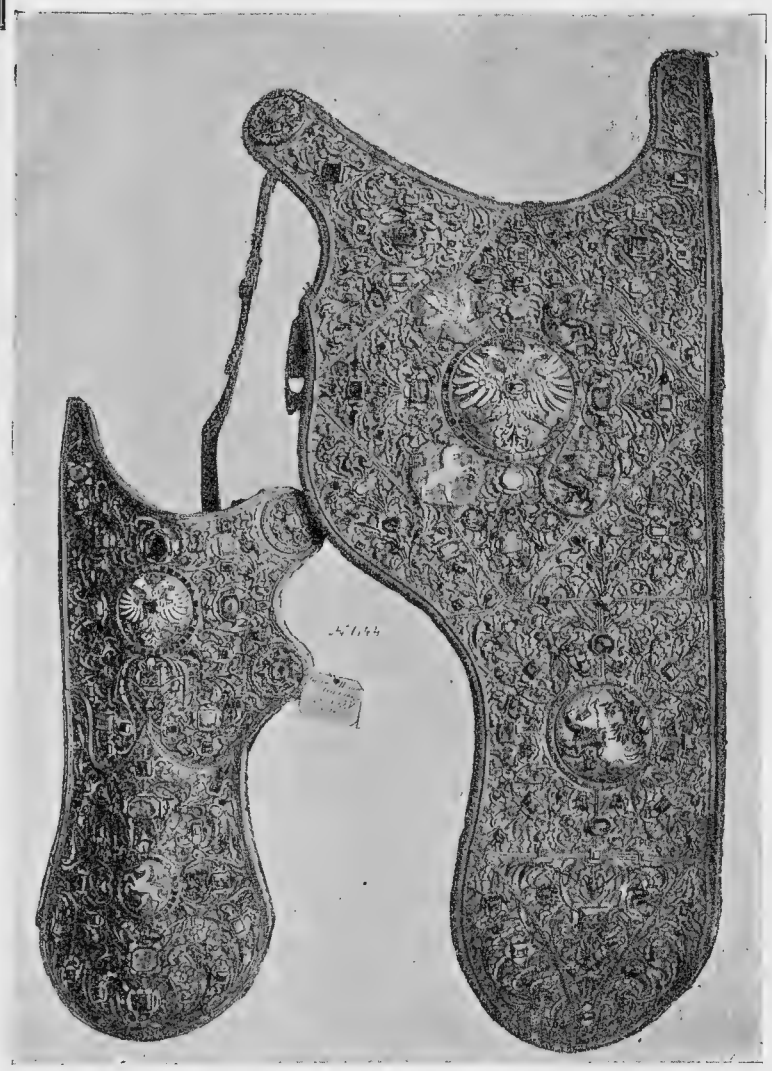
КОННЫЙ МАНЕКЕНЪ РУССКАГО ВОЕВОДЫ XVII ВѢКА.

реснѣе другихъ, хранящихся въ Оружейной палатѣ, серебряная золоченая булава ближняго боярина князя В. В. Голицына съ дорогимъ лалломъ розоваго цвѣта въ вершинѣ яблока.

Въ Оружейной палатѣ хранятся образцы любопытныхъ древнихъ огнестрѣльныхъ оружій: таковы, напримѣръ, аркебузы и пищали, между которыми особенный интересъ представляетъ пищаль царя Алексѣя Михайловича. Эта пищаль московскаго дѣла (мастера Григорія Вяткина) съ березовой ложей, выложенной перламутровыми и костяными узорчатыми вставками. Пищали имѣли нѣсколько названій: были пищали затинныя, изъ которыхъ стрѣляли изъ-за тына, или ограды, были завѣсныя, носившіяся на ремнѣ за спиной. При царѣ Алексѣѣ Михайловичѣ наше оружейное производство достигаетъ особеннаго развитія. Издѣлія русскихъ мастеровъ той эпохи смѣло могутъ быть поставлены на-ряду съ работою современныхъ имъ нѣмецкихъ языки), единственный образецъ котораго находится въ Оружейной палатѣ: это щитъ съ наручемъ и штыкомъ.

Въ татарскій періодъ кромѣ сабель старинные мечи булатные и кладенцы смѣняютъ палаши, тесаки и копья самыхъ разнообразныхъ формъ. Подобно тому какъ сабли были „разнаго дѣла“ („двѣ полосы стальныя московское дѣло на литовскій выковъ зубатыя въ три долы на обѣихъ сторонахъ“ и т. п.), и копья различались между собою по способу выдѣлки и формѣ: широкія и плоскія съ короткимъ ротовищемъ назывались рогатинами, метательныя копья носили другое названіе.

Въ числѣ разныхъ родовъ оружія упомянемъ еще чеканъ, или молотъ, топоры, бердыши, желѣзные и стальные шестоперы, также булавы или буздыханы, которые въ древности являлись повсемѣстно знаками военачалія. Инте-

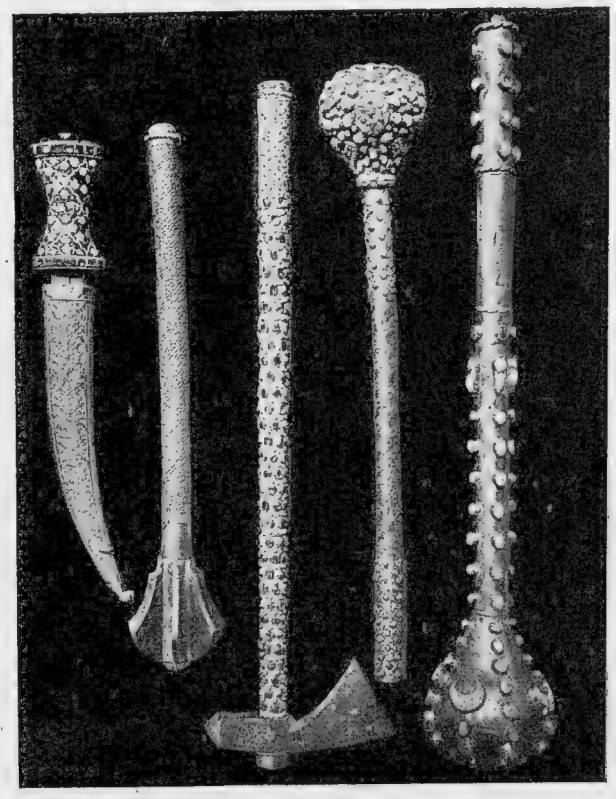


САДАКЪ И КОЛЧАНЪ СЕРЕБРЯНЫЕ СЪ ЭМАЛЬЮ И ДРАГОЦѢННЫМИ КАМНЯМИ

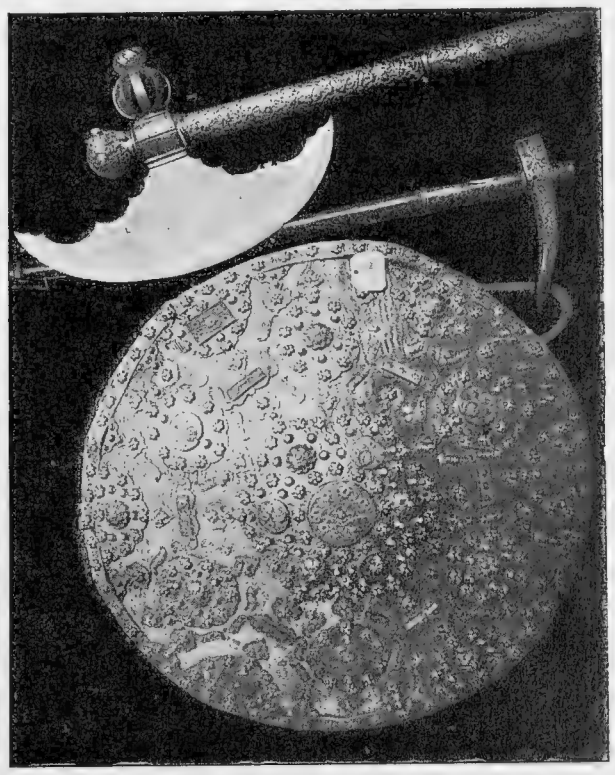
мастеровъ. Они умѣли выдѣлывать стволы изъ „краснаго“ желѣза-дамаска; оружейные мастера той эпохи выдѣлывали не только гладкія и нарѣзныя ружья, но и многоствольныя ружья, пищали и карабины, при чемъ не ограничивались подражаніемъ иностраннымъ образцамъ, но изобрѣли свой собственный стиль оружія—„московское дѣло“. Стволы и замки оружія покрывались, въ соотвѣтствіи съ богатой тогдашней одеждой, роскошной золотой насѣчкой, а станки изготовлялись изъ цвѣтного дерева съ мозаичной работой. (Школа московскаго оружейника Никиты Давыдова).

Большимъ значеніемъ пользовались въ древности въ качествѣ метательнаго оружія лукъ и стрѣлы. Весь приборъ вооруженія лукомъ и стрѣлами носилъ названіе саадака. Саадаки возились во время походовъ за царемъ въ числѣ прочаго царскаго вооруженія. Такъ рынды слѣдовали за царемъ по-разрядно: съ шеломомъ, съ тремя нарядами саадаковъ, съ копьемъ, съ рогатиной, съ пищалями и топорами.

Царскіе саадаки разубирались въ золото, финифть и драгоцѣнные камни. Существовали



ВОЕННЫЕ ДОСПѢХИ.



ВОЕННЫЕ ДОСПѢХИ.

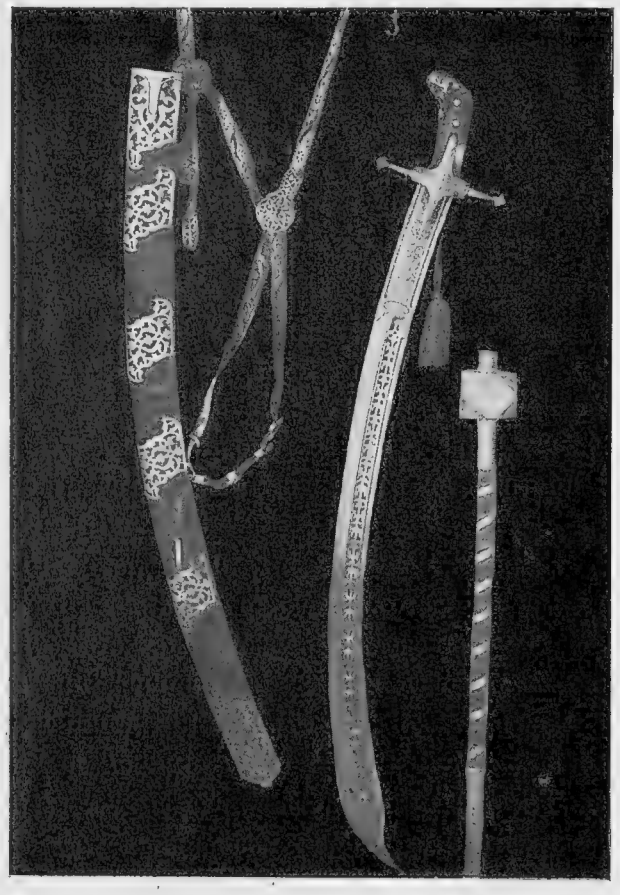
саадаки большого и малаго наряда; любопытенъ саадакъ царя Алексѣя, сходный съ бармами, скипетромъ и державой, дѣланными въ Царьградѣ противъ „образца діадимы благочестиваго царя греческаго Константина“.

При войскахъ искони существовали знамена, носившія въ старину названіе стяговъ. На нихъ изображалось знаменіе божества, покровительствующаго полку, городу или области. Въ удѣльный періодъ дружины князей сосредоточивались около великокняжескаго стяга. Кромѣ имени „стяговъ“, древне-русскія знамена извѣстны подъ названіемъ хоругвей и праповъ: прапоромъ называлось родовое или гербовое знамя и флагъ, выставлявшійся на крѣпостяхъ и зданіяхъ; хоругви служили мѣстными сборными или приходскими знаменами. Такъ въ описяхъ царской оружейной казны упоминаются прапоры боярина Никиты Ивановича Романова, прапоры царствъ и областей русскихъ: прапоръ съ изображеніемъ барса и подписью „государь Псковскій“, прапоръ, изображающій престолъ „съ коруною“, „на корунѣ“ крестъ съ подписью: „Тверскій“ и т. п.

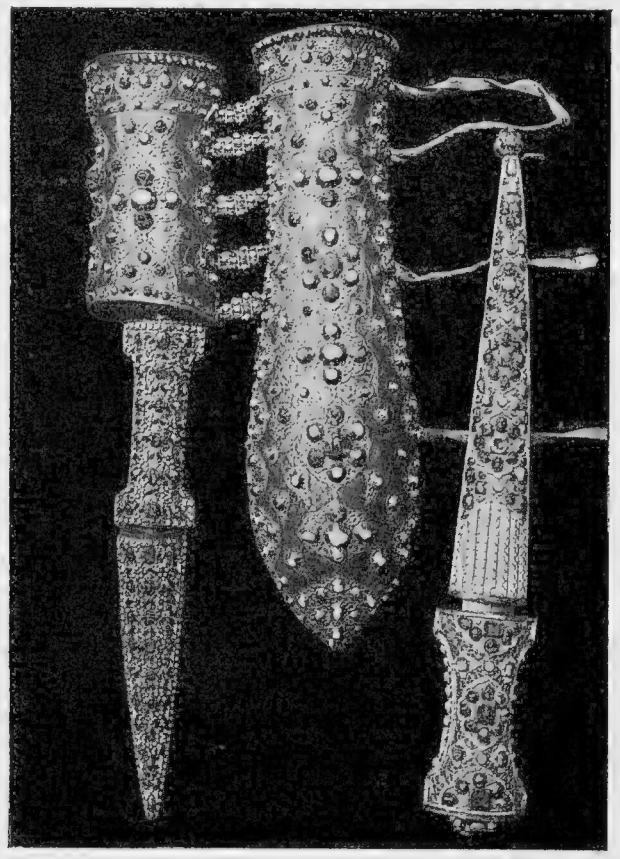
Древнѣйшей формой знаменъ вообще являются знамена съ откосами и особенно въ видѣ треугольника.

Въ 1827 году въ Оружейную палату поступило славное знамя князя Дмитрія Михайловича Пожарскаго. Послѣ освобожденія Москвы отъ литвы и поляковъ, это знамя, подъ сѣнью котораго князь Пожарскій водилъ къ побѣдѣ свои войска, хранилось до поступленія своего въ Оружейную палату въ родовомъ селѣ Пожарскихъ — Пурихъ, Нижегородской губерніи. Это ветхое шелковое знамя носитъ на себѣ съ одной стороны изображеніе Господа-Вседержителя, съ другой—архангела Михаила и стоящаго передъ нимъ на колѣняхъ Іисуса Навина.

Въ XVI вѣкѣ, несмотря на безпрерывныя войны, въ русскомъ войскѣ чувствуется нѣкоторый упадокъ: оно перестаетъ отвѣчать требованіямъ, какія развиваетъ все прогрессирующее военное дѣло. Русскіе государи, недовольные состояніемъ своихъ полковъ, призываютъ на Русь иностранныхъ мастеровъ военнаго дѣла: возникаютъ мало-по-малу цѣлые „нѣмецкіе“ полки, рѣзко отличающіеся отъ русскихъ одеждой, вооруженіемъ и строемъ. Такимъ образомъ постепенно подготовляется переходъ къ войску, созданному Петромъ Великимъ по образцу западныхъ войскъ. Великій Преобразователь не даромъ говорилъ, что шведы научили его сражаться. Онъ горькимъ опытомъ, проигравъ нѣсколько важныхъ сраженій, дошелъ до убѣжденія въ непригодности прежняго способа отбыванія воинской повинности „конно, людно и оружно“, когда войско составлялось изъ отдѣльныхъ шаекъ крѣпостныхъ, поставляемыхъ помѣщиками въ самый моментъ войны, взятыхъ прямо отъ сохи, плохо вооруженныхъ и плохо обученныхъ. Результатомъ торопливыхъ, но геніальныхъ попытокъ Петра пересоздать русское войско явились постоянные гвардейскіе полки, сильные своей военной выправкой и дисциплиной, которые, въ соединеніи съ обычной беззавѣтной храбростью русскаго воина, привели его къ громкимъ побѣдамъ, столь важнымъ для общаго



САБЛЯ И БУЛАВА ЦАРЯ АЛЕКСѢЯ МИХАЙЛОВИЧА.



ВОЕННЫЕ ДОСПѢХИ.

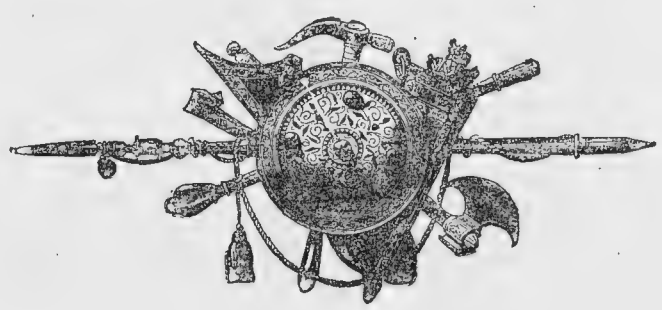
прогресса нашей государственной жизни. Вѣдь, какъ извѣстно, первымъ славнымъ дѣломъ новой гвардіи было взятіе Нарвы.

Нечего и говорить, что новое войско не имѣло ни малѣйшаго сходства со старымъ и съ внѣшней своей стороны: брони, шлемы, алебарды, топоры, пищали—все это сходитъ со сцены: удобные суконные мундиры, легкія шляпы, легкія ружья являются имъ на смѣну.

ДУЛЫ ПИЩАЛЕЙ РУССКОЙ РАБОТЫ.

ПИЩАЛИ РУССКАГО ДѢЛА.

Громадный переворотъ переживаетъ и артиллерійское дѣло, которое такъ отстало у русскихъ въ до-Петровскую эпоху. Петръ безсознательно руководился извѣстнымъ принципомъ военнаго искусства, выраженнымъ позднѣе Суворовымъ въ знаменательныхъ словахъ: „быстрота, глазомѣръ, натискъ“. Въ этомъ смыслѣ и возродилъ онъ свои побѣдоносные полки изъ тѣхъ тяжелыхъ, неподвижныхъ, нестройныхъ массъ частныхъ дружинъ, какія представляло изъ себя до-Петровское войско позднѣйшей эпохи.



ЛѢТНІЙ ВОЗОКЪ ПЕТРА I.

ГЛАВА VI.

КОНЮШЕННЫЙ НАРЯДЪ.

Охъ! ведутъ и вороного,
Поразбиты всѣ копыты
И платкомъ шелковымъ шитымъ
У него сѣдло покрыто.
Шевченко.

Старинные русскіе поѣзды состояли большею частью изъ „возовъ“, „колесницъ“, „телѣгъ„ и „саней“. Крытыя повозки въ нѣкоторыхъ мѣстностяхъ назывались „балками“.

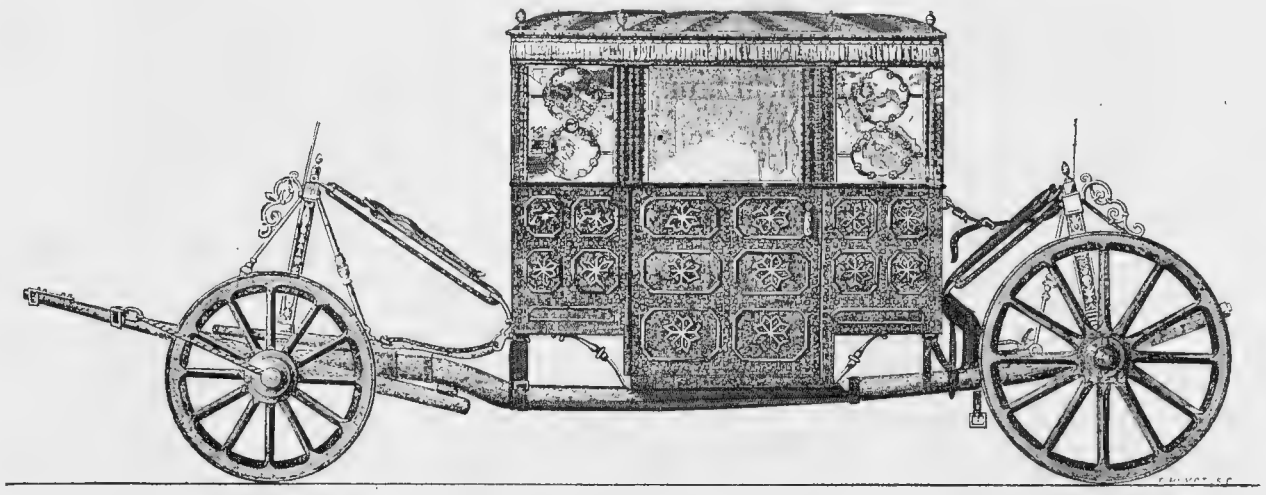
„И царевна, вшедши въ возъ и поѣде съ великою честью изъ Пскова“, говорится въ описаніи пріѣзда Софіи Палеологъ.

„И вложиша (князя Бориса) на „кола“ и повезоша“. Коло въ собственномъ смыслѣ значитъ колесо: отсюда и произошли всѣ названія колесныхъ экипажей: колымага, колесница, позднѣйшее коляска. („Др. Рос. Гос.“).

Въ „Словѣ о полку Игоревѣ“ упоминаются половецкія „телѣги“:— обще-славянское названіе одноконнаго воза съ оглоблями.

Зимнимъ возомъ служили сани: такъ Владиміръ Мономахъ написалъ свое поученіе дѣтямъ на „санѣхъ сидя“, т.-е. вѣроятно во время одного изъ своихъ зимнихъ переѣздовъ.

Въ позднѣйшіе вѣка при дворѣ русскихъ государей возникъ цѣлый конюшенный приказъ съ богатой конюшенной казною, остатки которой и вошли въ составъ нынѣшней Оружейной палаты. По описямъ царской конюшенной казны, въ старину въ царскомъ и боярскомъ обиходѣ употреблялись слѣдующіе экипажи: „кареты большія и маленькія, полукаретья



БАРХАТНАЯ КАРЕТА ПАТРІАРХА ФИЛАРЕТА, НАЧАЛА XVII ВѢКА.

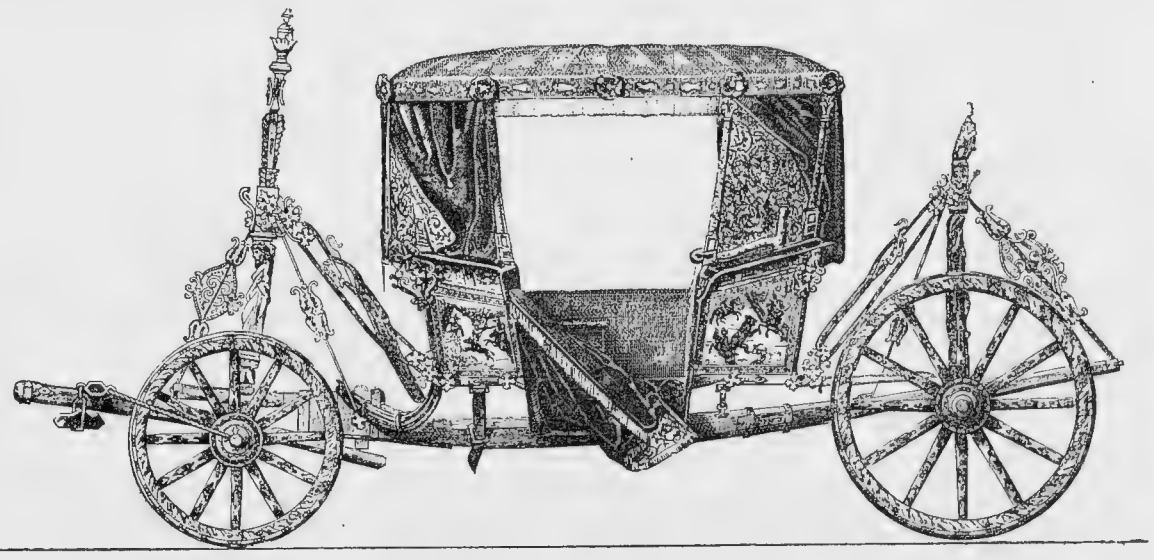
(между ними „потѣшныя и на дву колесахъ“), коляски, сани выходныя и полевыя, возки, рыдваны, колымаги, каптаны и телѣги (рѣшетчатыя, крытыя кожей — телятинной и т. п.)“.

Въ каретахъ царскихъ и боярскихъ были всегда два образа или два креста иногда съ мощами.

„Карета и въ ней два образа: образъ Пресвятыя Богородицы, другой Іоанна Предтечи, писаны по золоту красками... Взята та карета послѣ боярина, князя Ивана Алексѣевича Воротынскаго, въ 1681 году“. („Др. Рос. Гос.“).

Всѣ эти принадлежности царскихъ и боярскихъ поѣздовъ вмѣстѣ съ дорогими конскими уборами и цѣнными сѣдлами хранились раньше въ старинномъ „Колымажномъ“ дворѣ у Пречистенскихъ воротъ. До Петра Великаго конюшенный приказъ пользовался большимъ значеніемъ и управлявшіе имъ бояре-конюшіе занимали одно изъ первыхъ мѣстъ при царскомъ дворѣ. Такъ Борисъ Годуновъ занималъ эту важную должность при царѣ Ѳеодорѣ Іоанновичѣ.

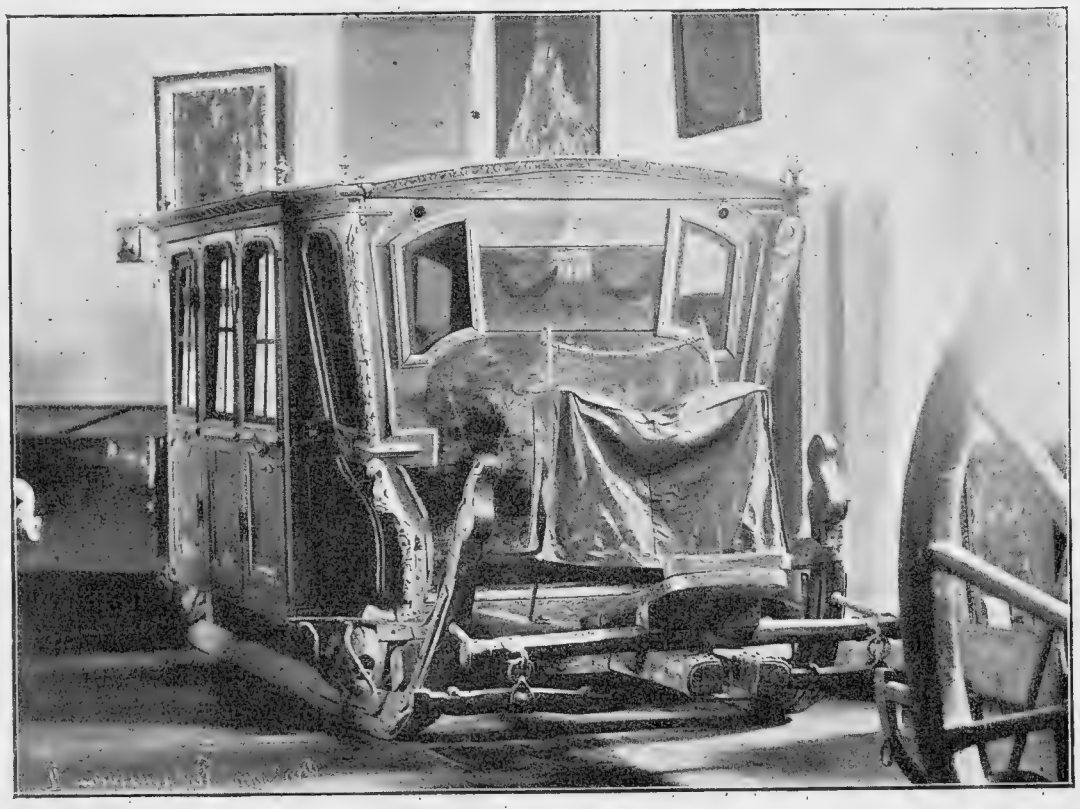
При Михаилѣ должность боярина-конюшаго смѣняется „ясельничами“ и ихъ помощниками „столповыми прикащиками“. Интересно описаніе царскихъ выѣздовъ царей Михаила и Алексѣя. Если выходъ совершался зимою, то государь обыкновенно „шелъ саньми“. Сани были большія, нарядныя, т.-е. раззолоченныя, расписанныя красками и обитыя дорогими коврами. Возницею, или кучеромъ, назначался стольникъ изъ ближнихъ людей; но такъ какъ въ старину ѣздили безъ возжей, то возница сидѣлъ обыкновенно верхомъ. Другой ближній стольникъ стоялъ на



ЦАРСКАЯ КАРЕТА XVII ВѢКА.

ухабѣ, или на запяткахъ. При торжественныхъ выѣздахъ Алексѣя Михайловича, у саней его на „наклесткахъ“, т.-е. по сторонамъ мѣста, гдѣ сидѣлъ государь, стояли знатнѣйшіе бояре: одинъ справа, другой слѣва; на „оглобляхъ“ у саннаго передняго щита стояли ближніе стольники. За санями шли бояре окольничіе и прочіе сановники. Весь поѣздъ сопровождался отрядомъ стрѣльцовъ въ числѣ ста человѣкъ съ батогами въ рукахъ „для тѣсноты людской“. (Забѣлинъ: „Бытъ русскихъ царей“).

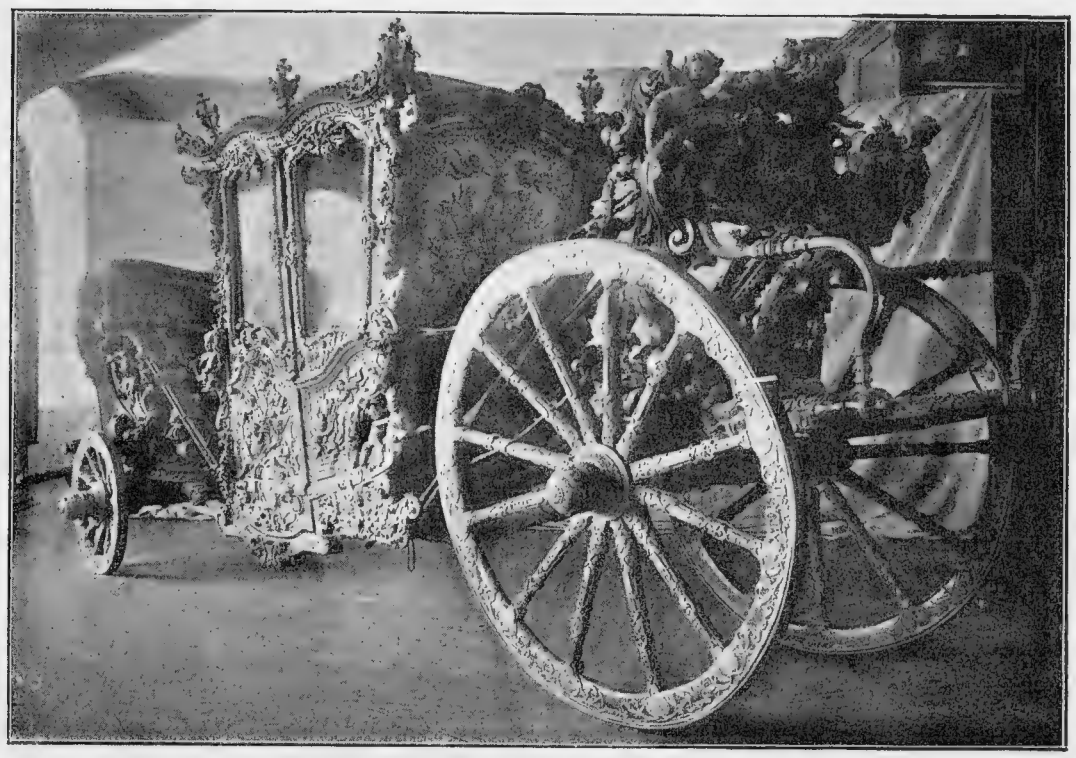
Не менѣе интересны церемоніальные праздничные выѣзды царицъ: царицы выѣзжали обыкновенно въ пышной коляскѣ, запряженной 8—10 лошадьми, совершенно закрытой; вокругъ коляски ѣхали горничныя женщины, верхомъ, какъ мужчины. Лица ихъ закрывались бѣлыми покрывалами до самаго рта. Ихъ было обыкновенно около 24 и онѣ ѣхали попарно на бѣлыхъ лошадяхъ. За поѣздомъ ѣхали старики по три въ рядъ, большею частью съ сѣдыми бородами — боярскія дѣти царицына чина. Сохранилось подробное описаніе выѣзда царицы Натальи Кирилловны, матери Петра I, на „комидійное дѣйство“ въ село Преображенское.



САНИ ИМПЕРАТРИЦЫ ЕКАТЕРИНЫ II

„Государыня-царица шла съ царевичами и царевнами въ слѣдующемъ порядкѣ: напередъ ѣхалъ въ своей каретѣ царевичъ Иванъ Алексѣевичъ; съ нимъ въ каретѣ сидѣлъ дядька, кн. Прозоровскій; за каретою ѣхали его царевичевы стольникъ и Ив. Кир. Нарышкинъ. Затѣмъ ѣхала царица въ колымагѣ въ 12 возниковъ „цвѣтныхъ“ (12 лошадей), съ царицею сидѣли: маленькій царевичъ Петръ, меньшія царевны, да мамы, да царицына мать и невѣстка. За колымагой по сторонамъ и позади шли царицыны стольники — пажи да 40 челов. дворянъ, а впереди ихъ, по сторонамъ колымаги, бояре: отецъ царицы и Матвѣевъ. Потомъ слѣдовала колымага большихъ царевенъ, также запряженная въ 12 возниковъ цвѣтныхъ, колымага меньшихъ царевенъ и т. д., все это окруженное многочисленной свитой. Весь царицынъ поѣздъ охраняли стрѣльцы“. (Забѣлинъ: „Бытъ русскихъ царицъ“).

Царь Ѳеодоръ Алексѣевичъ въ 1682 году распорядился во избѣжаніе боярскихъ ссоръ и безпорядковъ строго распредѣлить экипажи по званіямъ: „Съ сего времени впредь боярамъ и окольничимъ и думнымъ людямъ ѣздить въ городъ или кто куда похочетъ въ лѣтнее



ВЫЗОЛОЧЕННАЯ КАРЕТА XVII ВѢКА СЪ РѢЗЬБОЮ.

время въ каретахъ, а въ зимнее въ саняхъ на двухъ лошадяхъ; боярамъ-же въ праздничные дни въ каретахъ и саняхъ на 4-хъ лошадяхъ, а гдѣ имъ доведется быть на сговорахъ и на свадьбахъ, и имъ ѣздить и на шести лошадяхъ. Спальникамъ же и стольникамъ, стряпчимъ и дворянамъ ѣздить въ зимнее время въ саняхъ на одной лошади, а въ лѣтнее верхами". („Др. Рос. Гос.").

Послѣ перенесенія столицы въ Петербургъ, конюшенная казна по указу сената была отдана въ вѣдѣніе князя Одоевскаго вмѣстѣ съ остальными драгоцѣнностями палатъ Мастерской и Оружейной, Большой казны и т. п., именно, съ этого времени Оружейная палата и принимаетъ характеръ музея.

Въ каретномъ залѣ Оружейной палаты хранится цѣлый рядъ старинныхъ экипажей, впрочемъ, большинство изъ нихъ иностранной работы; изъ произведеній московскихъ мастеровъ конюшеннаго приказа сохранились лишь только два небольшіе „потѣшные" дѣтскіе возка: зимній на полозьяхъ и лѣтній на колесцахъ. Они обиты тисненой кожей и имѣютъ окошко изъ слюды. По преданію они принадлежали Петру I.

Отъ XVII вѣка сохранились двѣ кареты: 1) большая „англинская", привезенная изъ Англинской земли въ 1625 году и передѣланная въ Москвѣ. Карета обита бархатомъ съ серебряными галунами, раззолочена и въ нѣкоторыхъ мѣстахъ „прописана живописнымъ письмомъ"; 2) бархатная карета патріарха Филарета Никитича, поменьше, совершенно закрытая, со слюдяными окнами.

Отъ XVIII вѣка дошло до насъ богатое собраніе экипажей, большею частью все-таки иностранной работы въ стилѣ régence и rococo. Только два экипажа Анны Іоанновны сдѣланы въ Петербургѣ: карета (1739 г.), украшенная живописью по золотому фону и рѣзьбой, и небольшая коляска, на низкомъ ходу, расписанная красками съ позолотой. Остальныя кареты заграничныя: вѣнская, берлинская, голштинская и цесарская. Особеннымъ изяществомъ отличается карета Елизаветы Петровны, парижской работы, въ стилѣ rococo, увѣнчанная короной, положенной на рѣзной вызолоченной подушкѣ съ художественною живописью, изображающею группы амуровъ и крылатаго Феба. Карета была поднесена въ даръ Елизаветѣ графомъ Кирилломъ Григорьевичемъ Разумовскимъ. Въ Оружейной палатѣ хра-

нится также зимняя линнея Императрицы Елизаветы, на которой она ѣздила изъ Петербурга въ Москву для коронованія. Линнея устроена въ формѣ вагона.

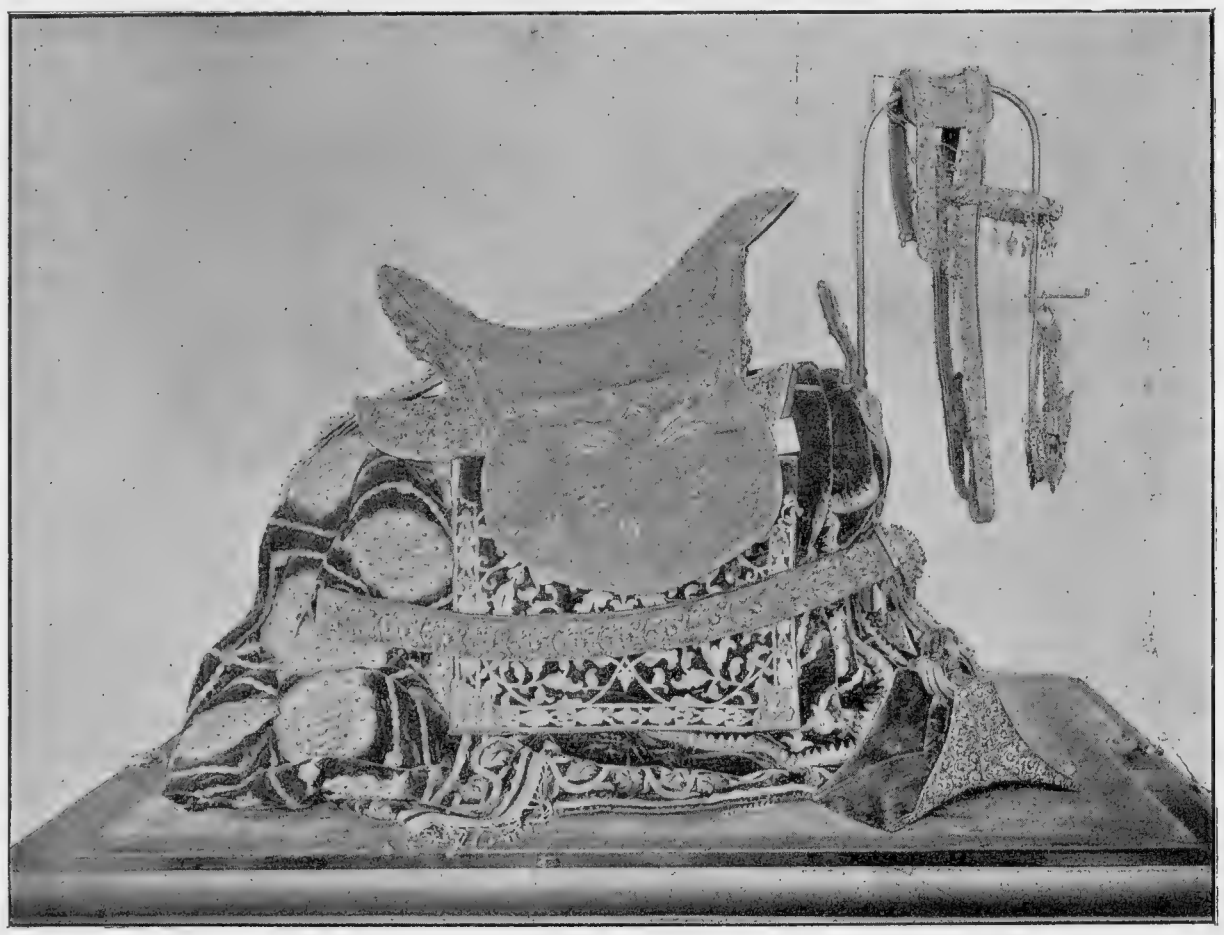
Конскіе уборы отличались въ древней Руси большимъ богатствомъ и изяществомъ. Въ Оружейной палатѣ хранится обширная коллекція древне-русскихъ сѣделъ и арчаковъ, бархатныхъ и алтабасныхъ, шитыхъ жемчугомъ и драгоцѣнными камнями, кованыхъ, изъ драгоцѣннаго металла, убранныхъ финифтью и чернью, съ изображеніемъ на лукѣ двуглавыхъ орловъ, льва, инрога, гамаюна, вѣщей птицы и т. п. Это все издѣлія русскихъ мастеровъ и мастерицъ.

Драгоцѣннымъ историческимъ памятникомъ является хранящееся въ Оружейной палатѣ сѣдло князя Пожарскаго, поступившее въ музей въ 1830 году изъ Троице-Сергіевой лавры, вмѣстѣ съ оружіемъ защитниковъ ея въ 1608 г. противъ поляковъ.

Кромѣ русскихъ сѣделъ, въ витринахъ Оружейной палаты хранятся драгоцѣнныя иностранной работы сѣдла: нѣмецкія, персидскія, древне-китайскія, чеканныя изъ бронзы съ украшеніями изъ перламутра и коралловъ, привезенныя Алексѣю Михаиловичу его посломъ къ богдыхану.

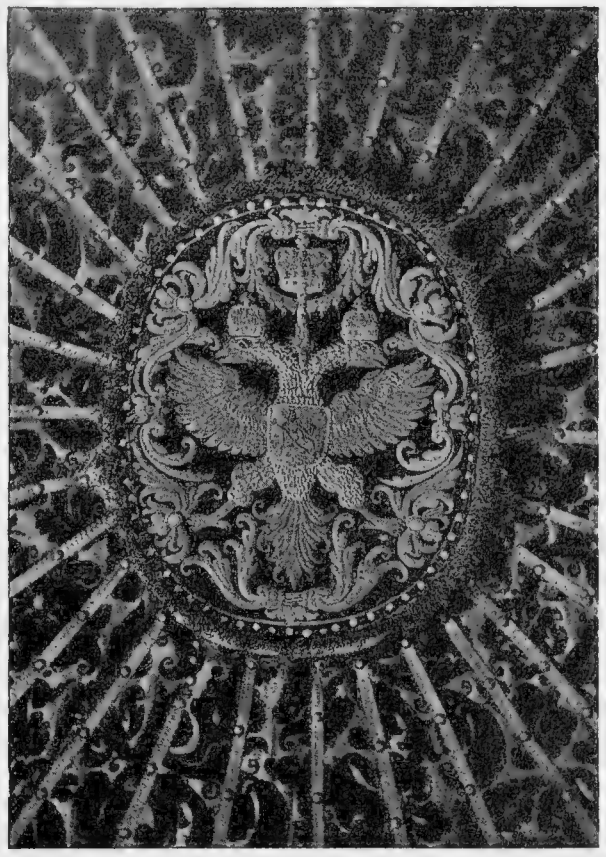
Всѣ принадлежности старинной конской сбруи: мундштуки, оголови, паперсти принято было въ старину разубирать драгоцѣнными камнями: жемчугами, изумрудами, бирюзою, хризолитами; наузы, въ видѣ длинныхъ кистей, которыя подвѣшивали на шею лошади, низались иногда цѣликомъ изъ мелкаго жемчуга, попоны и покрывцы представляютъ иногда цѣлыя прекрасно исполненныя картины, историческія и бытовыя.

Платки, которыми покрывались сѣдла, богато вышивались шелками: это большей частью работа женскихъ рукъ, чрезвычайно тонкая и изящная: образцы русскаго орнамента XVI и XVII вѣковъ.



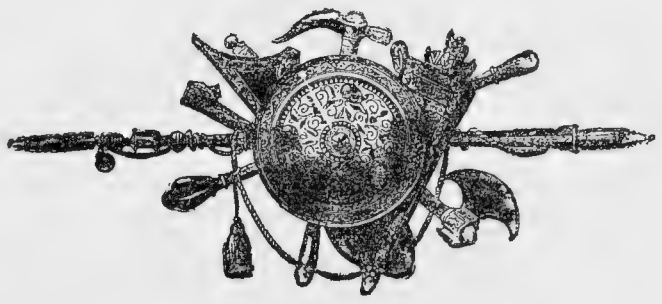
ЦАРСКОЕ ПАРАДНОЕ СѢДЛО.

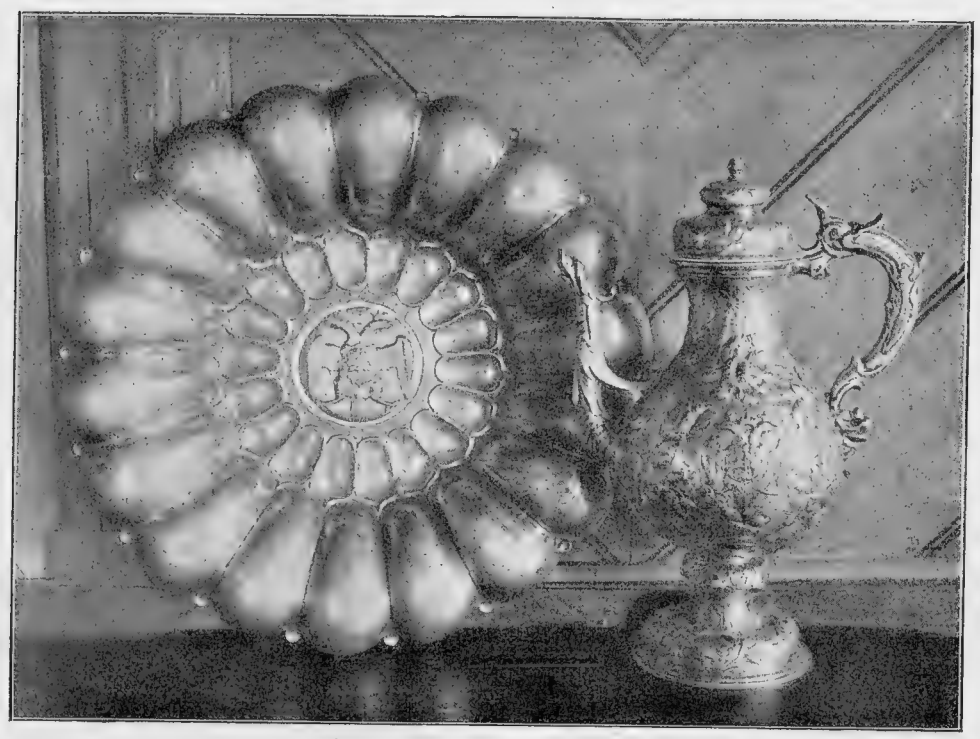
СТРЕМЕНА И СѢДЛО СЕРЕБРЯНЫЯ СЪ ЭМАЛЬЮ.



ЩИТЫЙ ДВУХГЛАВЫЙ ОРЕЛЪ ВЪ КАРЕТѢ БОРИСА ГОДУНОВА.

Узденицы, или реммы, золотыя и серебряныя, украшались финифтью и драгоцѣнными камнями, наколѣнники представляли изъ себя золотыя и серебряныя бляхи, соединенныя между собою петлями и охватывавшія ногу лошади ниже колѣна. Они также украшались драгоцѣнностями. Поводныя цѣпи были серебряныя, золоченыя, украшенныя камнями и жемчугами или гремячія отъ прорѣзныхъ бубенцовъ. Обряженный такимъ образомъ конь боярина несъ на себѣ цѣлую коллекцію драгоцѣнностей, представлялъ цѣлое маленькое состояніе.





КОВШИКЪ И БЛЮДО ИЗЪ СЕРЕБРА ГАМБУРГСКОЙ РАБОТЫ.

VII ГЛАВА.

ОБРАЗЦЫ ИНОСТРАННЫХЪ ХУДОЖЕСТВЕННЫХЪ ИЗДѢЛІЙ.

Въ княжескую и царскую сокровищницу поступала, благодаря географическому положенію и торговымъ сношеніямъ древней Руси съ Индіей, Персіей, Арменіей и Греціей, впослѣдствіи съ Англіей и другими европейскими державами, масса чужеземныхъ драгоцѣнностей, всевозможныхъ произведеній искусства, частью пріобрѣтавшихся за границей на деньги, частью появлявшихся на Руси въ видѣ подарковъ иностранныхъ государей. Родственныя связи древнѣйшихъ великокняжескихъ русскихъ родовъ съ другими европейскими царственными домами также много способствовали распространенію на Руси знакомства съ художественными произведеніями иностранныхъ мастеровъ, возбуждавшими подражаніе себѣ и служившими такимъ образомъ развитію нашего родного искусства. Какъ извѣстно, великіе князья въ древности охотно роднились со своими иностранными собратьями, охотно брали за себя чужеземныхъ принцессъ, подобно Всеволоду, отцу знаменитаго Мономаха, охотно отпускали своихъ княженъ въ чужія земли подобно Ярославу, одна дочь котораго была замужемъ за французскимъ королемъ, а другая за норвежскимъ викингомъ, Гаральдомъ, такъ поэтично воспѣвшимъ свою неприступную невѣсту. Въ этихъ и другихъ торжественныхъ случаяхъ русскія и иностранныя посольства обмѣнивались богатыми дарами отъ имени своихъ государей. Дары эти отличаются чрезвычайнымъ разнообразіемъ. Въ царской сокровищницѣ, поступившей въ Оружейную палату, хранятся въ числѣ такихъ иностранныхъ подарковъ всевозможные предметы: мебель, одежда, оружіе, кареты, утварь: художественныя произведенія всѣхъ странъ и эпохъ.

Въ предыдущихъ главахъ намъ уже приходилось упоминать о нѣкоторыхъ иностранныхъ художественныхъ произведеніяхъ, употреблявшихся при томъ или другомъ „нарядѣ“ древне-русской царской и великокняжеской обстановки. Остановимся въ этой главѣ еще на нѣкоторыхъ, наиболѣе богатыхъ и замѣчательныхъ издѣліяхъ заграничной художественной промышленности.

Такими произведеніями особенно богаты Серебряная, Оружейная и Каретная залы.

Въ числѣ царской утвари находится множество вещей англійскихъ мастеровъ работы XIV, XV и XVI столѣтій: стопы и кубки, интересныя солонки—фигуры барсовъ съ отвинчивающейся головою, подсвѣчники, каминныя украшенія, или поставцы, какъ, напримѣръ, серебряный всадникъ—англійскій король Карлъ I.

Въ Оружейной палатѣ на-ряду съ англійскими хранится цѣлая богатая коллекція вещей нѣмецкой работы: аугсбургской (300 вещей), гамбургской, нюренбергской и др. знаменитѣйшихъ древнихъ центровъ нѣмецкой художественной промышленности: кубки, рукомои, лохани, крошни, люстры и т. п.; все это подарки иностранныхъ пословъ и русскихъ бояръ, патріарховъ и купцовъ, заказывавшихъ за границей различныя издѣлія для ежегоднаго подношенія государю, царицѣ и ихъ семьѣ на недѣлю Свѣтлаго праздника, такъ-называемыхъ „великокняжескихъ приносовъ“. Аугсбургской работы и замѣчательная серебряная лохань, присланная на Русь королевой Христиной, и другіе подарки шведскихъ королей: лохань съ изображеніемъ побѣды Давида надъ Голіафомъ—даръ шведскаго короля въ 1674 г., зеркало въ серебряной изящной рамѣ, даръ королевы Ульрики Элеоноры царевнѣ Софьѣ въ 1684 г. и т. п.

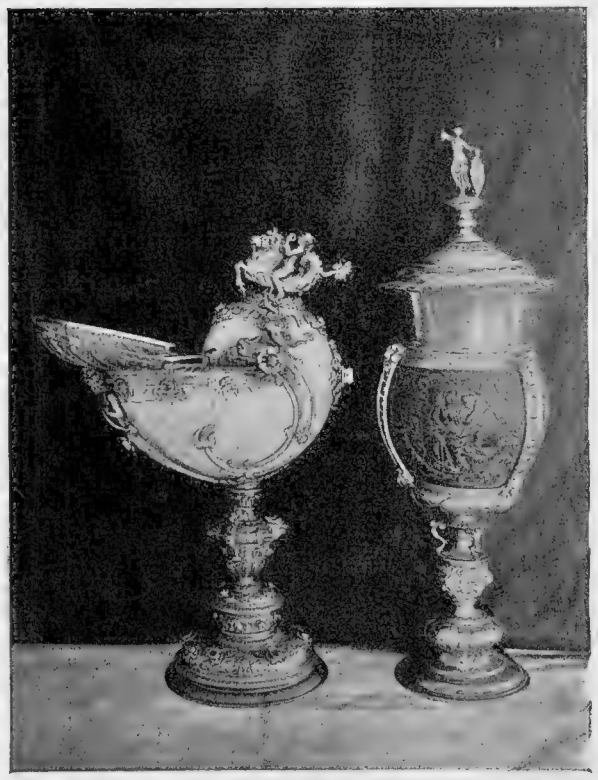
РУКОМОЙ И СТОЯНЕЦЪ.

Между многими художественными вещами гамбургской работы (256 пр.) преобладаютъ дары датскихъ государей и покупки царской семьей датскихъ вещей; изъ нихъ выдѣляются своимъ изяществомъ и оригинальностью двѣ горы-курительницы, пріобрѣтенныя въ Архангельскѣ въ 1628 году вмѣстѣ съ другимъ серебромъ Христіана IV датскаго. Всѣ нѣмецкія произведенія обнимаютъ собою періодъ въ два съ половиною столѣтія и носятъ на себѣ марки знаменитѣйшихъ мастеровъ прикладного чеканнаго искусства.

Данія, Нидерланды, Франція и Польша также при случаѣ присылали на Русь свои произведенія: польскія, краковской работы, вещи отличаются большой оригинальностью чеканки и формы. Французскихъ предметовъ всего семь, но они весьма замѣчательны по тонкости и изяществу работы.

Что касается иностраннаго оружія, то оно преимущественно нѣмецкой и голландской работы. Изъ иностранныхъ доспѣховъ, особенное вниманіе обращаетъ на себя желѣзная чеканная стрѣльчатая шапка съ выпуклыми изображеніями подвиговъ Геркулеса и орнаментомъ въ стилѣ Возрожденія; она прислана польскимъ королемъ Сигизмундомъ въ даръ царе-

вичу Ѳеодору Іоанновичу и вѣроятно сдѣлана въ Миланѣ, судя по совершенству работы, знаменитымъ миланскимъ оружейникомъ конца XVI вѣка Лучіо Пиччинино. Къ польскимъ дарамъ принадлежитъ и цѣлый рыцарскій доспѣхъ (нѣмецкій), покрывающій коня и всадника, присланный царю Ѳеодору знаменитымъ Стефаномъ Баторіемъ.

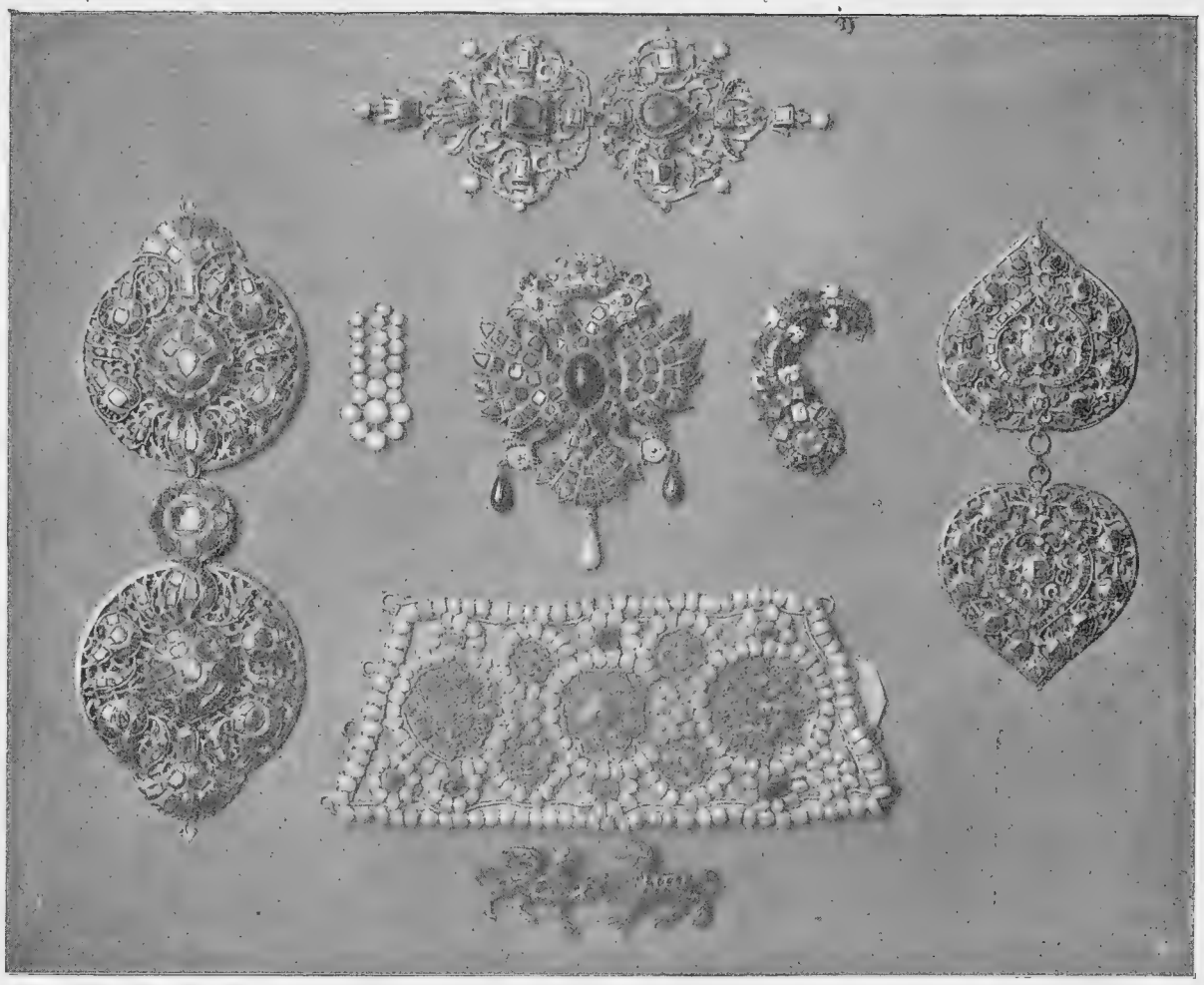


КУБКИ НѢМЕЦКОЙ РАБОТЫ.

Въ Оружейномъ залѣ хранятся между прочимъ два драгоцѣнныхъ сѣдла, присланныя въ даръ Екатеринѣ II турецкими султанами Абдулъ-Гамидомъ и Селимомъ III (1793 г.). Это настоящіе chef-d'oeuvr'ы восточнаго искусства, буквально залитые драгоцѣнностями.

Въ главѣ о „конюшенномъ нарядѣ“ намъ уже приходилось упоминать о знаменитой парижской каретѣ Елизаветы Петровны. Кромѣ этой кареты, въ Оружейной палатѣ хранится еще нѣсколько экипажей иностранной работы, которыхъ нельзя обойти молчаніемъ Это кареты: цесарская, берлинская, вѣнская и голштинская, украшенныя богатой рѣзьбой и живописью, превосходной работы изящныхъ стилей régence и rococo. Онѣ принадлежатъ къ числу парадныхъ Императорскихъ экипажей, въ которыхъ въ свое время Императорская Фамилія совершала торжественные выѣзды въ Москву на коронацію изъ загороднаго Петровскаго дворца. Тутъ-же въ Оружейной палатѣ хранится изящная парижская карета, отличающаяся отъ всѣхъ предыдущихъ особой манерой работы и живописи: это экипажъ въ стилѣ Людовика XV, расписанный изящными гирляндами цвѣтовъ по розовому фону, превосходный образецъ такъ-называемыхъ „voitures carrossées“.

СЕРЕБРЯНЫЯ ТАРЕЛКИ И ЛОЖКА.

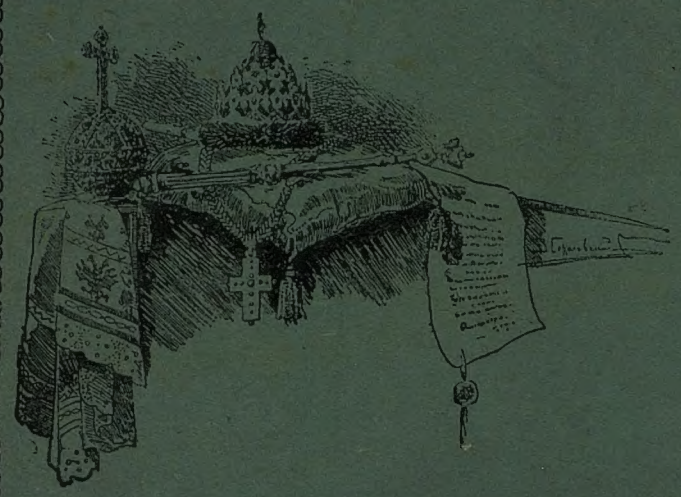


ЗОЛОТЫЯ ЗАПОНЫ, ЗАСТЕЖКИ, ЗАПЯСТЬЯ.

ОГЛАВЛЕНІЕ.

	Введеніе и нѣкоторыя историческія данныя объ Оружейной палатѣ . . .	1
ГЛАВА	I. Древнія одѣянія великокняжескія, царскія, коронаціонныя и другія, и боярскія одежды.	5
„	II. Церковныя древности	16
„	III. Древняя столовая и домашняя утварь.	21
„	IV. Обстановка древне-русскихъ хоромъ: древняя мебель и комнатный нарядъ .	37
„	V. Воинскій нарядъ	38
„	VI. Конюшенный нарядъ	42
„	VII. Образцы иностранныхъ художественныхъ издѣлій	52

475 р



ЦАРЬ ІОАННЪ ГРОЗНЫЙ

ЕГО ЦАРСТВОВАНІЕ, ЕГО ДѢЯНІЯ, ЕГО ЖИЗНЬ, СОВРЕМЕННИКИ И ДѢЯТЕЛИ ВЪ ПОРТРЕТАХЪ, ГРАВЮРАХЪ, ЖИВОПИСИ, СКУЛЬПТУРѢ, ПАМЯТНИКАХЪ ЗОДЧЕСТВА И ПР. И ПР. ПОДЪ РЕД. Н. ГОЛОВИНА И Л. М. ВОЛЬФА.

Съ 204 рисунками.

Въ богатой литературѣ о Іоаннѣ Грозномъ до сихъ поръ былъ чувствительный пробѣлъ: не существовало сочиненія, въ которомъ былъ бы собранъ такъ-называемый иконографическій матеріалъ, имѣющій громадное значеніе, какъ наглядная иллюстрація эпохи и царствованія этого загадочнаго царя.

Пополнить этотъ пробѣлъ—составляетъ цѣль настоящаго изданія. Въ опредѣленной, строго выработанной системѣ, здѣсь воспроизведено все то, что такъ или иначе можетъ дать понятіе о Грозномъ, можетъ служить къ уясненію его дѣяній или мѣропріятій, его исторической роли и пр. Главнымъ образомъ въ настоящемъ изданіи обращено вниманіе на возможно полное собраніе всѣхъ современныхъ, частью чрезвычайно рѣдкихъ гравюръ, какъ на наиболѣе достовѣрный, такъ-сказать документальный, иконографическій матеріалъ. Изъ произведеній же новѣйшаго искусства взято все крупное, существенное, важное. Такимъ образомъ получилась полная картина царствованія Іоанна въ гравюрахъ, портретахъ произведеніяхъ живописи, памятникахъ зодчества и т. д. и т. д.

Текстъ, сопровождающій помѣщенныя въ изданіи иллюстраціи, имѣетъ цѣлью очертить какъ исторію жизни и царствованія Грознаго на основаніи новѣйшей о немъ литературы, такъ и пояснить самыя иллюстраціи.

Цѣна въ папочномъ переплетѣ . . . . . 1 руб. 50 коп.

МОСКОВСКАЯ ОРУЖЕЙНАЯ ПАЛАТА

Съ 94 авпотипическими репродукціями съ фотографій.

Текстъ Н. А. НАДЕЖДИНА.

МОСКОВСКАЯ Оружейная палата по своимъ размѣрамъ и значенію—единственныйво всей Европѣ музей драгоцѣнностей богатѣйшее, хранилище всевозможныхъ памятниковъ старины накоплявшихся цѣлыми, вѣками. Въ нашемъ изданіи мы поставили себѣ цѣлью дать читателю не описаніе Оружейной Палаты, какое онъ можетъ найти во всякомъ путеводителѣ, но, на основаніи изученія богатѣйшаго древнехранилища Оружейной палаты, представить въ рядѣ краткихъ культурно-историческихъ очерковъ картину древнерусскаго искусства и древне-русскаго быта.

Цѣна въ папочномъ переплетѣ . . . . . 1 руб. 25 коп.

ИСТОРІЯ 349 ВЕЛИКИХЪ ДНЕЙ

ОБОРОНА СЕВАСТОПОЛЯ

въ очеркахъ и иллюстраціяхъ для юношества

Н. Б. ГОЛОВИНА

Съ 52 портр. героевъ, снимками съ памятниковъ, могилъ, веществ. воспоминаній и пр.

Цѣна въ папочн. переплетѣ . . . . 75 коп.

РУССКІЕ КОЛУМБЫ и РОБИНЗОНЫ

Біографическіе разсказы про знаменитыхъ русскихъ путешественниковъ и землепроходцевъ, составилъ Викторъ Русаковъ. Съ илл.

Ц. 75 к., въ пер. 1 р. 25 к.

Типографія Товарищества М. О. Вольфъ. С.-Петербургъ, Вас. Остр., 16 лин., д. 5—7.